Альманах протестного творчества

ВЫПУСК 2

Анархистский Миф О Сотворении Мира

Только красное небо помнит те времена, когда была лишь чёрная вода Вселенского Океана, и плыла по нему на белой ладье Мать Анархия. И была в её сердце печаль огромная, ибо была она одна в новорождённом мире и грызла её скука смертная.

Отрезала она тогда прядь волос своих, что по цвету темнее ночи, и омыла в воде Вселенского Океана, приговаривая: "Как ветры лихие делают волны на глади твоей, так создай из волос моих существ неведомо прекрасных и бессмертных, что людьми зваться будут". Так появились люди.

Жили люди и Мать Анархия в любви и согласии, но захотели люди твёрдой почвы под ногами, а Мать Анархия хотела познать мир, неся свет в неизведанные дали. И сотворила она твердь, а на ней растения прекрасные цвета зелёного, ибо зелёный - цвет глаз Матери Анархии, а в них сама жизнь.

Сошли люди на твердь земную. Горестно Матери анархии было прощаться с людьми, горестно было и им. Прошли годы с тех пор, как их прародительница отправилась познавать мир, и заскучали люди, позабыв наставления Матери. Стали сочинять себе глупые деления на расы, придумали деньги и, наконец, стали смертными.

Жил тогда человек по имени Великий Буржуй. Придумал он, что главное в жизни - это власть, деньги и удовольствия. Нашлось у него последователей много, взяли они власть в свои руки и стали зваться буржуями. Нашлись и те, кто был готов убить за расу, позабыв, что люди братья.

Когда вернулась Мать Анархия к людям, неся весть радостную, что в утробе её младенец, и имя его Порядок, то увидела, что иное небо щекочут вершины небоскрёбов, которые всё выше с каждым днём, и люди стали злыми и не верят в Анархию.

Диаген Анархист

Сказка О Справедливости И О Том, Как Она Работает В Капиталистическом Обществе

В далёком-далеком городе, что только Мать Анархия знает, где он находится, жил художник-чародей. Ему не надо было холста, он рисовал на пространстве, и все, что он нарисует, оживало.

Пришел к художнику безногий и попросил у него новые ноги. Достал чародей краски и нарисовал ему сильные и быстрые ноги. Встал калека с кресла и пошел.

Пришла к художнику женщина, которой сильно не везло в любви, и нарисовал ей художник мужа. Был он красивым мужчиной, не пил, не курил, был на все руки мастер и вообще...

Однажды стало известно, что на город собираются напасть враги, и тотчас же художник нарисовал вокруг города огромную непреодолимую стену.

Узнали о том, какие он чудеса творит, в гильдии магов и чародеев, которая на самом деле была конторой жуликов и шарлатанов, и решили покончить с этим, дабы не терять клиентов.

Ворвались их люди в дом художника и убили его. После смерти о нём вскоре забыли, ведь он не нарисовал ни одной картины.

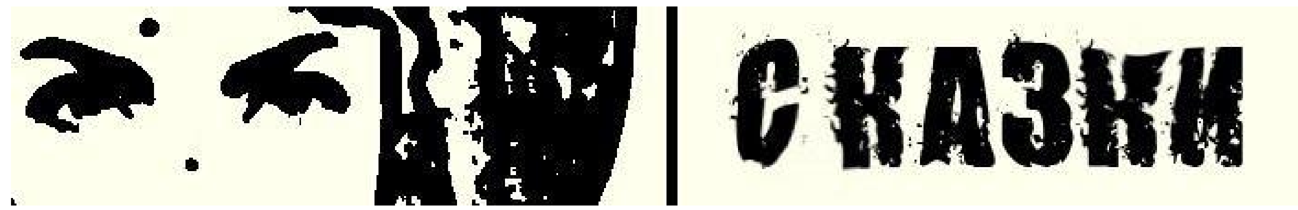
МОРАЛЬ: Тебя скорее запомнят за мазню поносом на куске хуйни, чем за действительно полезные и добрые дела.

Поняла Мать Анархия, что не место её ребёнку в этом злом мире: изведут его люди, её предавшие, и заплакала она горькими слезами. Падали слёзы на землю грешную и становились новыми людьми, что стали звать себя анархистами. И встали они под знамя чёрно-красное, какими были земля и небо в древние времена. Начертали они транспарантах: "Свобода! Равенство! Братство!", "Анархия - мать Порядка!".

Но не нравилось буржуям, что их режим притесняют, и пустили они на анархистов полулюдей-полупсов - выродков легавых, и стали гнать бойцов Анархии на плахи и в тюрьмы.

Тогда начали анархисты борьбу великую, и идёт эта борьба по сей день.

Диаген Анархист

Жили Две Собаки

Жили две собаки. Черная грязная и белая, такая же грязная. Нормально жили. Не хуже других. Вместе прятались по ночам в заброшенном заводском цехе, вместе бегали в парк еды поклянчить да на людей посмотреть, грели друг друга зимой, когда железные стены цеха звенели от мороза. В общем, нормально всё было. Другим и такая жизнь за счастье.

А потом одна собака пропала. Проснулась как-то черненькая под гул заводской проходной, а подруги по жизни собачьей и след простыл. День её нет, два. Черненькая и завод весь обегала, в парке сутками крутилась, даже возле храма, где и смысла ошиваться нет - молящие не падки до дворняг - и там дежурила, пока божья старушка сучьей нехристью не обозвала да бутылкой святой воды не запустила. Исчезла беленькая, будто и не бывало ее никогда. Даже запаха не осталось.

А главное, мир не изменился. Весеннее солнце такое же тусклое, вода с протекающей крыши цеха так же ржава, даже в парке всё то же, что и день, и неделю, и месяц назад - бегут прохожие туда-сюда. Вроде погулять пришли, а несутся по аллеям, словно впереди счастье великое ждет или кусок мяса с половину земли размером. И не заметил никто, что стало их на одного меньше. Стоит черненькая среди лиц мелькающих, грустит. Теряется в догадках, куда сожительница делась.

А вдруг что плохое случилось? Может, вышла беленькая ночью прогуляться вдоль забора фабричного, да и попалась бомжам. А что бездомным до дружбы животной? Взяли и съели беленькую, и хвостом не поперхнулись.

Но ведь и по-другому может быть. Жива-целехонька беленькая. Вышла ночью прогуляться вдоль забора фабричного, а навстречу мужик со смены идет. И так он на заводе фракции хорошо принял, что обуяла его жажда добро творить. Во всю ширину души православной. А тут беленькая навстречу... Мужик и взял ее домой.

Жена, конечно, в дверях пыталась противиться, да где там? Он после четырех стаканов её уже не слышал, только и успел, что накормить приказать, да так и рухнул в одежде поперек дивана. Тяжко оно, добро делать.

А утром проснулся, на кухню, пошатываясь, за пивом прошлепал, так чуть на тот свет со страху и не попал: сидит в углу грязное чудовище, глазищами зыркает. Хорошо, вспомнил, что не горячка это вовсе, а сам вчера притащил. Но всё равно два стакана водки приговорил, и лишь тогда чуть полегчало.

Жена молодец оказалась: в ванну затащила, отмыла, и вдруг выяснилось, что собака-то на удивление светлого окраса, даже пушистая местами. И глаза у нее не страшные, а испуганные. С непривычки, думал мужик. Ошибался. Своя душа лишь на втором литре оживает, где ему собачью понимать?

Не обстановка на беленькую давила, а что разберутся, что к чему, и отправят за порог. У нее так часто бывало: щенком раз пять дети в тепло да к еде таскали, и только в душе хорошело, как взрослые выкидывали обратно, к подвалам и помойкам. Но тогда ладно, всё равно было, где ночевать. А сейчас и дом есть, и даже соседка. И уклад устоялся. Ну как мужик еще пятьдесят опрокинет и поймет, что не нужна она ему ни в каком качестве? А ведь утащил неизвестно куда — где теперь черненькую и завод искать? Куда деваться?

Но беленькой повезло. Мужик кондиции догнал, так подобрел еще пуще вчерашнего. Сбегал в магазин и вместо бутылки вырезку мясную притащил. Жена как увидела, так и слегла от счастья на полдня. Валерьянку еще два дня пузырьками глотала. Да и ребятенок с ходу прикипел, всё гладил беленькую, смеялся. Ему же, пятилетнему, не объяснишь, что не подарок это папкин, а дурь его пьяная. Подрастет - сам разберется, что добро в этом мире только под бутылкой вершится, а за содеянное потом всегда стыдно. А пока пусть радуется.

Так обрела беленькая и дом новый, и еду не случайную, а ежедневную и свежую.

А что черненькая? Погрустила недельку, да и думать забыла об этом. Тем более в соседнем цехе колбасное производство открыли, так она и в парк бегать прекратила. На одних колбасных обрезках в два раза толще беленькой стала.

А может, наоборот - не было никаких колбас, зато были бомжи, которые и до черненькой добрались.

А может, и вовсе - не черненькая то была, а премьер наш, Дмитрий Медведев. Проснулся как-то на куче старого рубероида, а Путина и след простыл. И день его нет, и два. И некому вдруг стало задницу вылизывать. Медведев и завод весь обегал, и в парке сутками крутился, даже возле храма, где и смысла ошиваться не было - молящие не падки до дворняг - там даже дежурил, пока божья старушка сучьей нехристью не обозвала да бутылкой святой воды не запустила. Исчез Путин, будто и не было его никогда. Даже запаха не осталось.

А главное, мир не изменился. Весеннее солнце такое же тусклое, вода с протекающей крыши цеха так же ржава, даже в парке всё то же, что и день, и неделю, и месяц назад - бегут прохожие туда-сюда. Вроде погулять пришли, а несутся по аллеям, словно впереди счастье великое ждет, или кусок мяса с половину земли размером. И не заметил никто, что стало их на одного меньше...

Дро Ники

Зеркало Анархизма

Знаешь, пару лет назад у меня было зеркало. Я его нашел в кладовке в старом, дореволюционном доме. Кажется, оно пришло в тот заброшенный дом одновременно с первыми жильцами, настолько оно было старым. Деревянная оправа почернела и пошла глубокими морщинами, краска выцвела, облупилась, и вообще было удивительным, что зеркало пережило целое столетие. Сколько людей, уже давно покинувших этот свет, в него смотрелись? Десятки, сотни? Скольких зеркало помнит?

Но дело не в этом. А в том, что, почистив зеркало от пыли, я глянул в него и что-то почувствовал. Это что-то заставило меня передернуться, поежиться и набросить на зеркало тряпку. Я даже ушел на кухню и минут десять просто сидел на обшарпанной табуретке, размышляя о том, что же я такое мерзкое увидел. Не найдя причин своей слабости, списал всё на сквозняки.

Знаю, тебе неинтересно. Но послушай, я редко откровенничаю... Десять минут, больше не прошу... Так вот. Зеркало я притащил домой. Не знаю, зачем. Логика - это не моё. Беру и делаю, что кажется правильным. Но ты не сбивай, а то до утра рассказывать буду...

Сначала думал повесить его в туалете, чтобы гости сидели и собой любовались. Но потом вспомнил, как сам в это зеркало смотрел, как меня корежило, и в итоге... бросил в кладовку. Что ты улыбаешься? Да, перенес рухлядь с одного места в другое. Подумаешь... Я ведь что-то чувствовал! У меня мурашки по спине ползали... Надо было разгадать загадку... Мне думалось, что зеркало - часть моих мировоззрений, и что мне просто не хватает знаний для понимания чего-то крайне важного.

Опять ты за своё! Да, я трачу жизнь на то, что вы считаете утопией! Но это вам утопия! А я, может, для того и родился, чтобы утопию в жизнь воплотить! Я, может, с этой целью и пришел: сделать мир лучше и правильнее. Чем плохо?

Государство... Сдалось оно тебе! Что оно дает, что вы так боитесь его потерять? Защиту? Защиту от кого? Какой-то идиот нажмет на красную кнопку, и никакие чиновники, никакие армии не спасут! Это притом, что красная кнопка на твои же деньги и создана! Уплата налогов — это заказ киллеру самого себя за свои же деньги.

Или проще ситуация. Гопники во дворе толпою прыгнут, чем государство поможет? Разве что случайно полицейский патруль мимо проедет. Подчеркиваю, случайно. То есть, оплачивая полицию, ты играешь с государством в лотерею. Выпадет счастливый номер — бинго!.. А если не выпадет? А ты знаешь, сколько не угадавших в ежедневных сводках? И хорошо, если по больничкам, а не гробам! Или думаешь, невезучие просто налогов меньше платили?..

Ладно, прости. Опять завелся. Как речь о государстве, сам не свой становлюсь. Прости. Больше не буду. Ну всё, всё... Больше ни слова. Я ведь не то сказать хотел. Сам себя перебил, получается...

Молчишь?.. А что ты молчишь? Тебе же есть, что сказать! Давай, говори... Скажи, что я просто бегу от реальности, пряча свою никчемность в теориях о лучшем мире. Давай, не обижусь... Я знаю, ты так и думаешь. Все так думают. В лицо улыбаются, в спину смеются. Или жалеют. Мол, тратит жизнь на фикцию. На пустоту....

Не хочешь обижать, да? Ну и ладно. Тогда про зеркало дослушай. В нем всё дело. Я ведь что хотел сказать... я разгадал его! Буквально вчера, когда с тобой поговорил и спать пошел! Прямо перед сном. Закрыл глаза и вдруг понял, что с ним не так! Вернее, что не так со мной. Что не так со всеми хорошими людьми...

Ты слушаешь?.. Так вот, я подумал о том, что будет, если зеркало мне приснится. И что я тогда в нем увижу. И, представив себе это событие, сразу всё понял! Моя проблема в том, что я уже живу в этом зеркале! Я в нем себя увидел! Нет-нет, ты не понимаешь, я не отражение имею в виду. То есть отражение, конечно, но по-другому, с другой стороны. Как тебе объяснить-то...

Ну, ты знаешь, я анархист. Вот типичного анархиста я и увидел! Себя в оправе вековой давности! Старая, изъеденная морщинами оправа — это и есть анархизм! Кропоткин, Бакунин, кого ни вспомни — всё это было миллионы жизней назад. С тех пор люди научились летать в космос, с тех пор изменилось, стало другим абсолютно всё! Всё, кроме анархизма...

Какой у тебя торжествующий смех! Ты погоди радоваться, дослушай. Тогда, в заброшенном доме, я испугался вовсе не ветхости анархизма. В конце концов, Библия постарше будет, и ничего, живет как-то. Я испугался себя в этой ветхости, понимаешь? Я вдруг понял, что видят люди вокруг, в том числе ты. Вы видите матроса, разгоняющего танкер веслом. Пилота, впрягающего лошадей в самолет. Строителя небоскреба из дерева.

Да, всё это возможно! И небоскреб из дерева, и самолет на лошадиной тяге... Не полетит, конечно, но пробовать никто не запрещает. Почему нет? Просто это никому не нужно! Ни-ко-му. Ну, кроме таких, как я. Из этого следует очень простой вывод — я и сам никому не нужен! Вот чего я испугался! Ненужности и бессмысленности самого себя! Самодостаточность? А что с ней делать, с этой самодостаточностью? Я же не буддист...

Знаю, что тебе плевать. Об этом и говорю. Что есть анархизм, что нет его — миру вокруг уже давно совершенно без разницы. Анархизм ни на что в современном мире не влияет и ничего современному миру не дает!

Кто виноват? Так анархизм и виноват. Мы же хуже церковников! Те хотя бы храмы красивые строят, глаз радуется. А что у нас? Сплошные цитаты давно умерших людей. Слова, адресованные во вчера! И никакими гвоздями эти слова к современности не прибьешь, никакой клей их не схватит.

Зачем я это рассказываю? Потому что ты меня раздражаешь. Потому что с тобой очень тяжело. Никакие аргументы на тебя не действуют, никакие выпады не задевают. Ты... ты как стена! В тебя бьешь, стучишь, всё без толку. Я нападаю — а в итоге лишь у меня руки в кровь и ссадины на лбу.

Но понимаешь, в чем дело... У меня нет выбора. Я всё равно должен тебя победить! Я обязан найти способ тебя побороть! Разбить твою железобетонную уверенность в себе. Найти доводы, которые разнесут всю твою логику в клочья! Ты — мой тренажер! Победа над тобою станет победой всего хорошего над всем плохим, понимаешь? А раз понимаешь, тогда получи! На! На тебе! На, получи еще! Вот тебе, зараза!

Два человека в неброских черных костюмах стояли в узком длинном коридоре и через маленькое окошко в двери внимательно следили за происходящим. Рядом стояли трое военнослужащих. Один из наблюдателей держал в руках открытую папку, что-то в ней помечал авторучкой и попутно рассказывал:

«Видал, чего анархист вытворяет! И так круглые сутки! Сначала говорит со стеной, потом дерется с нею. Уже дважды ногу себе ломал, про руки и говорить нечего, живого места не осталось. И ничего не помогает! Разговоры, таблетки — всё без толку! Утром встанет, поест — и давай стене что-то объяснять. Диалоги при этом выстраивает, будто стена ему отвечает... Разговор у них, видишь ли... А потом что-то щелкает у него в голове — начинает в стену лупасить, пока ребята его не обработают!»

Из-за двери донесся крик: «Зеркало! Надо разбить зеркало! Получай!»

«Так может, пора обработать?» - спросил второй.

«А сейчас и обработаем! Я специально привел вас пораньше, коллега, чтобы показать его в активном состоянии. Очень занятный экземпляр!»

«И что вы собираетесь с ним делать?»

«Даже не знаю. Психиатрам отдавать не хочу, кто меня развлекать будет? Держать его здесь смысла тоже нет, вреда он уже точно никому не принесет. В общем, думаю. Торопиться некуда... Пойдемте, за обедом обсудим этот вопрос».

«С удовольствием!»

Наблюдатель захлопнул папку и обратился к стоящим позади солдатам:

«Ребята, успокойте воина! В этот раз получше успокойте, что-то он сегодня особенно заводной!»

Из-за двери доносились истошные вопли:

«Анархизм возродится через смерть анархизма! Разбить зеркало! Сжечь оправу! Растолочь стекла в мелкую крошку! Только так!»

Через пару минут наблюдатели и думать забыли об анархисте, обсуждая результат футбольного матча.

Дро Ники

Кто Такой Невезёт, И Как С Ним Бороться?

Сказка - ложь... а это - быль.

Однажды Масяня решила устроиться на работу. Куда пойти? Вперёд, на биржу!

- Кем бы вы хотели работать?

Масяня была скромница.

- Фасовщицей, упаковщицей...

- Есть одна вакансия, но вы должны заплатить бирже денег.

- Неужели? А если не примут?

- Хотите работать - примут.

Заплатив, Масяня поехала по адресу. Это оказался большой завод на другом конце города.

"Всю жизнь я работаю где-нибудь у чёрта на куличках, но других вариантов нет!"

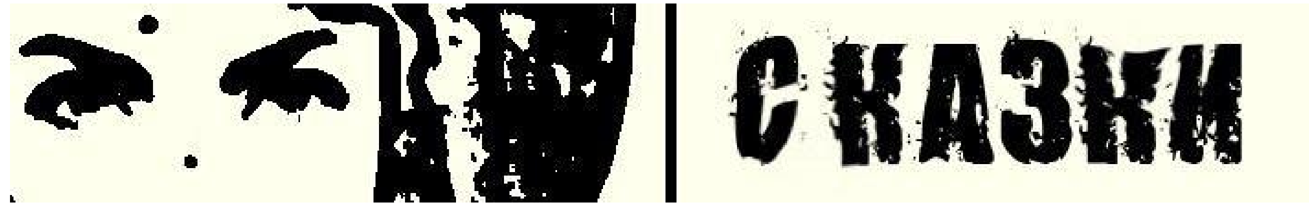
Работа заключалась в следующем: взвешивать и упаковывать копчёную рыбу всех мастей, прямо в коптильном цеху. Начальник, добродушный застенчивый очкарик, везливо (именно везливо) заявил, что работать надо по 12 часов, пять дней в неделю. Зарплата - три тысячи (тогда это было более-менее), раз в месяц. Такая пятидневка - это было тяжеловато, но Масяня так устала искать работу, что согласилась. На следующий день она встала у весов и кидала соблазнительно пахнущую копчёнку в коробки. "Вот получу зарплату - куплю себе плейер, буду работать с музыкой! - размечталась Масяня. - Что-то на обед не зовут..."

Она работала одна и пошла в другой цех спросить об этом.

- Грустно всё это! - вздохнула подружка Стася по прозвищу Анархия, работающая бухгалтером.

- Что грустно?

- Как это - что?! Работа тяжёлая!

- Не грусти, дальше веселей будет, не соскучишься!

- Обеда у нас нет, - ответила женщина-потрошитель, хищно и ловко вспарывающая брюхо огромной щуке, из которого вывалилась непереваренная лягушка.

- Как это - нет?

- Не успеваем, можешь быстренько съесть бутерброд, если с собой захватила, только смотри, чтоб начальник не заметил. И не вздумай есть рыбу, денег повесят, одного парня за одного палтуса целой зарплаты лишили. Да, перекуров у нас тоже нет, во всяком случае, для тебя, ты новенькая.

"Началось..." - подумала Масяня.

- Неужели такой злой начальник? Мне он показался нормальным...

- Это был не начальник, а зам.

- Почему не на рабочем месте? - в цех вошёл невысокий коренастый брюнет с острыми и ясными разбойничьими глазами.

- Почему обеда нет? - вопросом на вопрос ответила Масяня.

- А тебе разве не сказали? У нас сейчас большой заказ, придётся потерпеть, чтобы уйти домой вовремя.

Проработав таким образом неделю, по 12 часов на ногах без перерывов и после долгой дороги домой, Масяня поставила на плиту супчик и плюхнулась на кухне в старенькое кресло. Хотелось только сидеть, сидеть и не двигаться...

- Иди в душ, от тебя рыбой воняет! Фу, какая гадость!

"Теперь это надолго. Не могу понять людей, которые при первом неприятном запахе начинают ужасаться и причитать, как будто это смертельно!"

- Почему же - гадость? Запах рыбы - он как лёгкий морской бриз. Я проголодалась и устала, сейчас поем и полезу сразу в ванну, зачем мне душ?

- Нет, этим дышать невозможно! Сначала душ, потом еда, потом ванна!

- У каждой профессии - запах особый, лишь депутат не воняет никак... - бормотала Масяня. Она не могла себе представить, как будет перекидывать ногу через борт ванны, потом обратно, а потом снова... А есть-то хочется!

Она с трудом поднялась и взяла подогретую кастрюльку...

- Нет, ты пойдёшь!

Рефлекторное защитное движение...И супчик мелкими брызгами вылетает из этой кастрюльки!

Потом по подъезду поползли страшные слухи о том, что Масяня надела кастрюльку маме не голову. Если услышите что-то подобное - не верьте, это гнусная клевета!

Проработав так месяц, Масяня тупо спросила о зарплате.

- Сейчас ничего пока нет, ещё заказ не забрали... - пробормотал сильно смутившийся зам, удаляясь.

- А нас не кинут? - спросила Масяня у женщин-потрошителей.

- Да как же нас кинут, если начальник - бывший милиционер! - возмутилась одна.

- Конечно не кинут,- сказала другая, но уже как-то не очень уверенно...

- То-то я думаю, что это у него глаза такие бандитские, - так и не намотала на условный ус Масяня. Ей было жаль этого без преувеличения чудовищного месяца, и она понадеялась на авось. Жадность! А ведь она, как всем известно, фраера погубит!

На следующий месяц Масяню, уже наевшуюся втихаря вкусной мойвой, поедаемой со всеми потрохами по ходу дела, направили в потрошильню. Вода - ледяная, работа - хищная, вспарывать только что размороженной рыбе брюхо и прокалывать ей для копчения шомполами глазницы. Каждую ночь Масяне снились огромные щуки, скалившие пасти и требовавшие вернуть им зрение...

- Рыбку жалко, - вставил приятель Лёха, работающий продавцом дисков, - плавала себе, плавала, а её - в цех, и кишки выпускать! Я ваще вегетарианец.

- Как писал твой любимый король ужасов Клайв Баркер, вегетарианцы не едят мясо, потому что боятся его! - не выдержала Масяня. - У них в подсознании - трупофобия.

Руки мёрзли постоянно, ноги гудели, в глазах всё мельтешило от скоростной работы, но Масяня, как и всякий человек, привыкает ко всему, а стало быть, гибель ей не грозит. Курить и перекусывать она успевала между потрошильным делом.

С каждым днём события приобретали всё худший оборот.

- Сегодня остаёмся, не успеваем, - сообщил начальник.

- До скольки?

- До скольки надо, быстрей сделаем заказ - быстрей получим деньги!

На часах - 11 вечера.

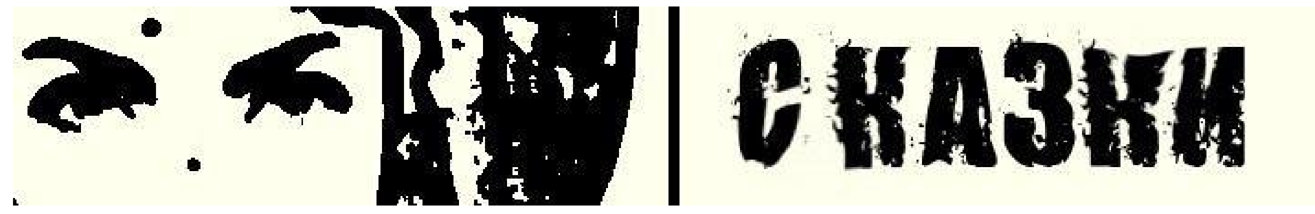
- Нам ведь на метро надо!

- Ну и что? Здесь заночуете! - рассмеялся начальник, сверкнув золотым зубом. - Да не смотрите на меня так, я пошутил! Скоро отпущу.

11.30.

- Шабаш! По домам!

Так продолжалось ещё неделю. Масяня с радостью смотрела на женщин, все они были весёлые и внушающие веру в светлое будущее, Масяня работала со всеми наравне.

Прошёл второй месяц. Масяня с тупым упорством спрашивала о зарплате, но ей никто не отвечал. А работницы только укоряли, мол, незачем к начальству лезть, сами всё заплатят и сами всё дадут, когда надо. Это было похоже на высказывание Воланда, а он, как всем известно, был Дьявол.

Однажды в цех зашла новенькая девушка-узбечка, а за ней - начальник, который позвал Масяню в кабинет. Он долго сидел за столом, перекладывая какие-то бумаги.

- Ну что...- наконец соизволил он произнести.

- А что? - тут же откликнулась Масяня.

- Плохо ты работаешь, вот что.

"Началось..." - подумала Масяня, а вслух сказала:

- Работаю, как все.

Прошло минут десять. Шуршали бумаги, стучали часы...

- Придётся тебя уволить, - откашлявшись, нарушил молчание начальник.

- Почему?

- Потому, что ты плохо работаешь.

- Спросите у кого угодно - я работаю нормально, как все!

Прошло ещё 5 минут..." Он и вправду мент, что за манеры?" - подумала Масяня.

- Ну и что мы будем с тобой делать? - спросил наконец начальник.

- Делайте, что хотите, вам видней,- сказала Масяня с раздражением.

Прошло ещё время. Масяня отрешённо разглядывала обои на стенах. Она так устала, что не хотела ни о чём говорить, а только сидеть, сидеть и не двигаться...

- Так ты не ответила - что мы будем с тобой делать? - начальник посмотрел Масяне в глаза, многозначительно улыбнувшись.

"Он хочет, чтоб я ему отдалась? - подумала Масяня. - Фу, какая гадость. Это вам не лёгкий морской бриз", - а вслух сказала:

- Не знаю я вас, что хотите, то и делайте. А моя совесть чиста.

Начальник посмотрел с большим подозрением, как будто Масяня сказала ему некую крамолу.

- Ладно, придётся тебя уволить.

- Когда расчёт?

- Через неделю.

Она ушла не попрощавшись, говорить ментам "до свидания" она не привыкла...

Масяня уехала в Белоостров, где у платформы валялись древние обтёсанные камни, на которых в далёком 17 году выступал приехавший из Финляндии Ленин, и где знаменитый анархист и друг батьки Махно Саша Беркман чуть не встретил свою анархистку Эмму Гольдман. На даче подвалила халтура - сидеть с пятилетним сыном

соседа. Мальчик всё слышал, но до сих пор не говорил, а только строго мычал, указывая Масяне на не туда положенную ложку или поставленные на стол локти. Когда Масяня поставила тихонько на видик рок-концерт, мальчик забился в истерике, грозным перстом указывая на это "безобразие".

"Во его вымуштровали!- ужасалась Масяня. - Либо музыку не любит, либо батя не разрешает видик трогать. А ведь отец-то - военный!" Масяня учила мальчика говорить, но он упорно молчал. Отец сказал, что не знает, в чём тут дело.

...Она звонила и звонила, и зам говорил ей, что надо ещё немного подождать. "Лучше б уж сразу сказали: «Денег не будет», зачем же мучить напрасными надеждами?"

Через месяц вежливый зам наконец ответил:

- Приезжайте за деньгами!

Удивлённой радости не было предела! Выпив на радостях по долгой дороге бутылочку пивка, Масяня позвонила с проходной в цех и стала ждать. Но вышел не зам, с которым она говорила по телефону, а Сам (кадров у них всегда подозрительно не хватало).

- Денег нету.

- Как это - нету? - Масяня этого почти ожидала. Прощай, плейер! - Я ж договорилась.

- Нету - и всё. Позвони через месяц.

- Я и так месяц после увольнения ждала! - Масяня повысила голос. Вахтёрша покосилась на них.

- Тише! Пойдём выйдем.

Они вышли на солнечную, зелёную и безлюдную улочку рабочего квартала. Но солнце не радовало Масяню.

- Ты что, тупая? Чего пристала?! Я ещё раз повторяю - денег нет!

- И у вас тоже? Может, одолжите до получки, сочтёмся! - Масяня теряла терпение. - Зачем же ваш заместитель мне по телефону наврал, дорога-то не близкая! Я уже и так три месяца жду! - говорила она безнадёжно, но отставать не спешила.

- Вот и ещё подождёшь! Обещанного три года ждут, - Сам направился на проходную.

- Правильно мне сказали, что вы - бывший мент! Только менты на такое способны! - это был поджог всех мостов.

БАЦ!!! Удар прилетел неожиданно.

Масяня увидела звёзды в Космической Пустоте и запоздало почувствовала на лице прохладную Землю.

"Неужели нокаут? Ну уж нет, я не сдамся!" Она смахнула звёзды ресницами и бодро вскочила. Этот разбойник стоял к ней спиной.

- Да-да, Петрович, хулиганство. Жду!

Масяня еле сдержалась, чтобы не выхватить и не разбить ему телефон. Сосчитав до десяти, она спокойно сказала:

- Отдайте мне мои деньги! Как вам не стыдно! - а затем пошёл детский лепет перечисления своих трудовых заслуг.

Начальник обернулся и очень удивился. Он вообще не ожидал такого хамства со стороны такой скромной с виду работницы. Она стояла перед ним и говорила, как ни в чём не бывало. Под глазом у неё наливался огромный синяк.

Машина приехала быстро, и "суд" тоже недолго продолжался. Посидев за хулиганку пару часов, она вышла на свежий воздух и поехала к своему парню, который уже ждал её с деньгами.

В троллейбусе на Масяню ни с того ни с сего напала злыдня контра.

- Нет и ещё раз нет, мадам, без денег не поедете!

- Во-первых - не мадам, а мадемуазель, а во-вторых - я же вам объяснила, что меня ограбил один злодей...

Двери открылись.

- А ну-ка вон из троллейбуса! - контра задиристо распустила руки. Но Масяня тоже была не такой уж и промах, она выскочила и прыгнула в другую дверь.

Санёк увидал на пороге избитую Масяню и даже ни о чём не спросил, всё и так было понятно.

Синяк становился всё больше и больше, наконец он полностью закрыл глаз и всю левую щёку. Начальник бил хоть и не аккуратно - в лицо - но сильно.

- У Вас перелом, - сказал врач в "травме". Надо написать заявление в милицию. Кто это был?

- Да мент один, начальник...

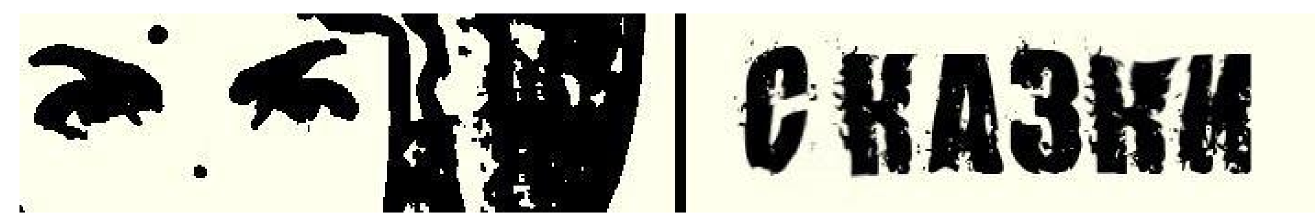
- Да? Гражданин начальник? - улыбнулся травматолог и перешёл на "ты". - Ладно, иди, вот направление в больницу, надо вправить кость.

- Кто это Вас? - спросил врач в больнице, разглядывая снимок.

- Начальник. Ещё и всю зарплату отобрал.

Врач уставился на Масяню поверх очков с нескрываемым презрением. - Ха, начальник! - он замолчал и принялся заполнять документы.

- Да таких, как ты, вообще убивать надо! - наконец сердито пробормотал он.

- Что, простите? А, наверно, чтоб долго не мучилась, да?

- Да всё ты поняла! Венерическими болезнями болеешь?

- Нет.

- Все вы так говорите. Проверим.

В палате сидели три молодки и резались в карты.

- А с тобой что случилось? - спросила одна. - Муж избил?

- Уф... - Масяне самой надоела вся эта история.- Начальник одной фирмы заработанные деньги не хотел отдавать.

Девчонки удивлённо переглянулись, захихикали и зашептались. Одна открыла большую коробку томатного сока, отпила чуток и скривилась:

- Фу, забыли они, что ли, что я томатный не пью! Ненавижу! Девчонки, вы будете?

- Да у меня свой стоит давно, не знаю, куда девать.

- У меня тоже.

Ненавистница томатного сока поставила коробку в мусорное ведро.

- Зачем же выбрасывать? Дай лучше мне, - Масяня как ни в чём не бывало взяла коробку из ведра и принялась бесцеремонно пить из горлышка, девчонки с отвращением переглянулись.

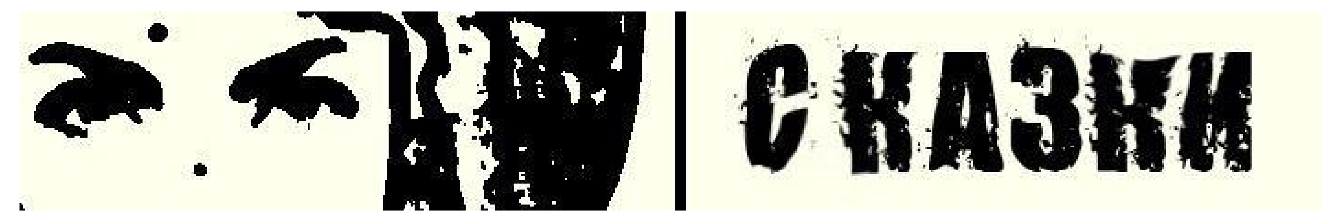
- А можно с вами в карты?

Тишина. Масяня не настаивала. Всю неделю они не разговаривали с Масяней (да она не особенно и хотела), зато, не стесняясь, прямо при ней обсуждали её начальника, который либо сутенёр, либо не заплативший денег клиент, а Масяня, по всему видать - шлюха. Теперь она поняла странную реплику врача об убийстве таких, как она. Хирурги сделали под глазом маленький разрезик и вправили кость (этот перелом до сих пор ноет у Масяни, когда начинаются холода).

Вернувшись домой, она по настоянию матери поехала в милицию писать заяву. Сначала артачилась и категорически протестовала, аргументируя тем, что надо это было делать сразу, ещё в "травме", да и толку не будет, раз уж начальник сам её в милицию сдал... Но главное - писать заявы Масяня считала делом унизительным. Жаловаться одним ментам на другого? Глупей затеи не придумаешь. Но потом ей самой стало интересно, что же ей скажут?

Милиционер выслушал Масяню, пробил имя Сама и печально констатировал:

- Ничего не добьётесь, сразу говорю. У нас таких дел - навалом, и никто в суде ещё ничего не добился. Даю дельный совет - не тратьте своё время и нервы...

Она ожидала это услышать. Вдруг стало так утомительно, и так затрещала побитая голова, что Масяня встала и вышла, не попрощавшись (говорить ментам "до свидания", как вы помните, она не привыкла).

- Езжай на завод, я договорилась, тебе заплатят,- сказала мама.

"Наверно это какая-то злая шутка или ловушка", - отрешённо думала Масяня, подъезжая к заводу.

- Ну что, любишь водку пить? - сверкнул Сам золотым зубом.

- Причём тут водка? Я тогда выпила бутылку пива. "Да что я перед ним оправдываюсь?!"

- Трезвая бы не приставала, как ты, а просто ушла бы, и всё! - он гаденько захихикал. - Что, вздумала на меня заяву накатать? Да ты совсем оборзела! Может, тебе вообще ничего не давать?! Ладно уж, я сегодня добрый. Так, тебе причитается...830 рублей и...ладно, округлим - и 00 копеек. Получи и распишись!

- За два месяца?! Но мне обещали три в месяц!

- Какие ещё три? - он порылся в столе и извлёк из его недр маленький листок. Бумажка была жёлтая и старинная. - Читай!

Масяня с удивлением прочла: "Работник без квалификации не имеет права получать больше 66 рублей в месяц..."

- Так что я тебя ещё пожалел! Понравилась ты мне!

- Что это за раритет такой? Какого это года? - так и не угомонилась обнаглевшая Масяня. - Вы что, шутите?

- Да какие уж тут шутки! - неожиданно рассердился Сам. - На вас, дармоедов, и так не напасёшься, а я тебе такой подарок делаю, неблагодарные вы все люди! У тебя что, с головой не в порядке? "Какого это года?" Ты не знаешь, какой сейчас у нас год?! Крепко я тебя, видать, приложил!

- Отдайте мне 6 тысяч рублей, что это за подачки?!

- Вот мой сын здесь работает, - будто не расслышав последнюю реплику, Сам указал на вышедшего из другого кабинета нагло ухмыляющегося молодца и продолжать поучительно рассказывать, - и получает хорошо! А почему? Да потому, что у него есть квалификация, не то, что у тебя! Он мне любую бумагу составит, и приказы, и договоры. А ты сумеешь написать?

- У меня другая работа. Что бы вы все без нас делали, а?

- Вот то-то и оно, что не сумеешь! Поэтому ты работница без квалификации.

Масяне надоело слушать весь этот бред.

- Не надо мне тут ля-ля три рубля! Давай сюда мои деньги и пошёл ты на хуй, бессовестная рожа!

Она сама испугалась, что сейчас не получит ничего и, расстроившись, закрыла лицо руками. Потом мельком глянула: Сам как ни в чём не бывало отсчитывал 830 рублей и округлённые 00 копеек. Считал долго, краснел, пыхтел и раздувал щёки - обиделся.

"Теперь-то я куплю себе плейер, и маме надо денег отдать, - снова размечталась Масяня. - К Саньку!"

Плейера по дороге не оказалось...

- Слушай, мне сейчас хорошего "дедушку" предлагали, давай возьмём, а в пятницу у меня большая получка, отдам,- сразу сказал Санёк.

- Ты же знаешь, я не употребляю. Да и ты не наркоман.

- Конечно не наркоман! Просто дурная привычка! - засмеялся Санёк. - Иногда-то можно. Так, баловство одно. И башка раскалывается.

- Я хотела плейер купить, и маме денег дать.

- Я ж говорю - в пятницу отдам. Когда я тебя обманывал?

- Ладно, чёрт с тобой, пошли....

- Что за дерьмо! Ничего не чувствую. Это не "дедушка", - зло проговорил Санёк, когда дело было сделано.

- А кто же?

- Не знаю. Анальгин.

- Точно?

- Нет, не точно. Может быть, аспирин. Голова только перестала болеть. Вот заразы! Я до них доберусь! - Санёк ударил кулаком по столу. - Если не веришь, возьми попробуй. Могу при тебе остатки в раковину выкинуть.

- Да ладно, верю, конечно. Жаль, что ты обломался, значит, не судьба сегодня тебе торчать! - улыбнулась Масяня.

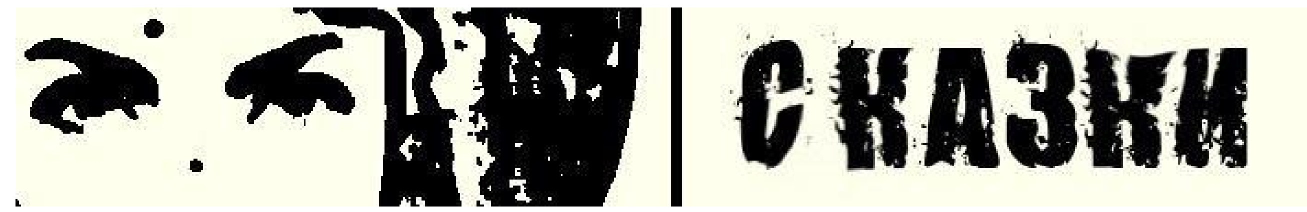
- Но деньги я тебе в пятницу отдам, не сомневайся!

- Эх, пойдём - по пивку, на остатки...

Они сидели у Санька, пока его мамы не было дома. Масяня взяла газетку и позвонила в поиске работы, хоть дело уже было к вечеру. И - о чудо! - ей повезло, на следующий день её обещали принять на очередную фабрику. Только предупредили не тормозить, а то возьмут кого-нибудь другого.

Друзья шли по Чёрной речке и негромко напевали, вставив по уху Санькова плейера с «Нашим радио»: "К сволочи доверчива, ну а к нам - тра-ля-ля, *ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля*! Эй, начальник!"

Как примерно заметил Пелевин, из вечерней мглы на другой стороне улицы соткался милицейский патруль... И благополучно прошёл мимо.

- Ну пока, я поеду. Завтра на работу устраиваться.

- Удачи! Жаль, что не могу тебя сегодня оставить у себя, - они обнялись.

Зайдя в метро, Масяня встала в длинную очередь за жетонами. Вдруг ей сзади на плечо снова опустилась тяжкая десница Судьбы - хлоп!

- А ЭТО КТО У НАС ТУТ?

Масяня обречённо обернулась и увидала здоровенного бугая-сотрудника.

- О! - обрадовался сотрудник, разглядев ещё не заживший синяк, и рука его сжала Масянино плечо ещё крепче, - А ну пошли со мной! - и потащил нашу Масяню в пикет. Длинная очередь удивлённо провожала их взглядами.

- С кем поссорилась?

- Не хочется в это верить, но подозреваю, что в данный момент - именно с вами, хоть и не по собственной воле...

- Чего?! Выкладывай, что в карманах!

- Да ничего особенного, - Масяня вытряхнула карманы - сигареты, зажигалка, последние 150 рублей...

- А это что? - сотрудник взял в руку малюсенький серебристый пакетик...

- Бля! - вырвалось у Масяни, - Вот гад!.. То есть - гады...- и осеклась.

- Но-но, не выражаться! Это ты кому сейчас сказала?!

- Подбросили враги? Это бывает. Ну что ж, придётся остальное отдавать, - почти процитировал Булгакова другой сотрудник.

- Это анальгин.

- Точно?

- Нет, не точно. Может, аспирин. От головы. Я только что из больницы, сотрясение...

- Тимохин, понятых зови. А что за гады? И почему анальгин в таком интересном виде у тебя хранится? - сотрудник развернул бумажку, в которой был белый порошок в количестве, почти не видном невооружённым глазом, - Тю, какая мелочь! Надо было из-за этого рисковать? Так что за гады?

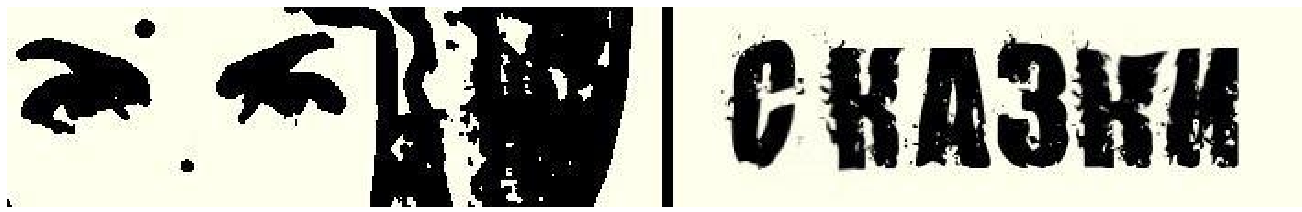
- А гады - это буржуи, которые избивают трудовой народ и не платят ему денег! - Масяня почти веселилась, она была спокойна.

В пикет вошли испуганные парень с девушкой восточной национальности.

- Чек, вынут из кармана. Подпишите.

По последующему разговору понятых было видно, что они плохо понимают по-русски. Подписали и поспешно убежали.

- Раздевайся! Догола! - приказала совсем молоденькая бойкая девушка в форме, увесисто похлопывая дубинкой в левую ладонь. "Как мне надоели все эти

малолетки!"- подумала Масяня, которой и самой можно было дать максимум лет двадцать.

- Что, прямо здесь? По закону этот молодой человек должен выйти.

- Да он отвернётся! Правда, Тимохин?

- Конечно!- и молодой мусорок стал разглядывать стенку.

Надо сказать, что Масянин отец, который в молодости был хиппаном и свободным художником, с детства приучил её к нудизму, и на диких пляжах Крыма, и на совсем не диких пляжах Финского залива. Когда Масяня родилась, ему было 18 лет, и он с упоением рассказывал семилетней Масяне о романтике наркотиков и курил по дворам дудку с приятелями, гуляя с Масяней по Невскому. Когда же он узнал, что подросшая четырнадцатилетняя дочка сама покуривает, то неожиданно опомнился и сказал в сердцах:

- Раздевайся и выходи на лестницу!

А когда Масяня отказалась, избил её железным совком и заставил смотреть по телеку Тарковского. После этого к Тарковскому у Масяни было несколько предвзятое отношение...

Она разделась без всякой задней мысли, нудистка всё-таки.

- Красивые татушки! - сказал Тимохин. - И фигурка - что надо! Кто делал?

- Что делал? Татушки или фигурку? Татушки - друг.

- Адресок друга дай! Тоже хочу себе запортачить.

- Не дам. Ты же обещал отвернуться! - укорила его Масяня.

- Присядь на корточки, - приказала девушка в форме, - Ничего, - Она обшмонала всю одежду - И тут - ничего! Ладно, одевайся!

Масяню посадили на стул в маленькую каморку, полтора на полтора, с дверью-решёткой, дожидаться машины, которая повезёт её на экспертизу. "Надеюсь, что найдут они аспирин или анальгин, Санёк мне не станет врать, да у него даже зрачок нисколько не сузился. Но зачем же он меня так подставил? Явно - не со зла. И вот ещё что странно - сотрудник подошёл ко мне со спины, схватил за плечо и сразу сказал, даже не видя моего лица с синяком: а это кто у нас тут? А ведь я совершенно нормально себя вела, задницу даю на отсечение! Разве что на мосту мы негромко пели с Саньком - эй, начальник! Но патруль на другой стороне прошёл мимо и даже не обратил внимания!" Тут Масяня вспомнила рассказ подружки Кэт: "Еду я с мужем в маршрутке, к Чёрной речке подъезжаем. И спорим мы с ним о какой-то ерунде, но конечно шёпотом, чтобы никому не мешать. Выходим спокойно из маршрутки и идём в метро, встаём в очередь за жетонами. А к нам сотрудник

подходит и говорит: "Чего это вы ругаетесь в общественном транспорте?!" - и ну нас в пикете обыскивать!"

"Да у них тут везде шпионы! То-то они всё бегают туда-сюда, как угорелые", - ужаснулась Масяня.

На экспертизу ехали долго. Масяня сидела в салоне и рассказывала, что ей завтра на новую работу, так как на старой с деньгами её кинули, а в пакетике - лекарство от головной боли после сотрясения и т.д. и т.п. Молодые сотрудники по-честному прониклись сочувствием, но отпускать, конечно, не спешили.

- Поздравляю! Два грамма чистого героина!- сказал один, выходя из кабинета. Масяня чуть не начала заикаться:

- Д-д-да вы шутите?! Какого героина?! Это во-первых. А во-вторых - какие два грамма?! Этот кропалик без лупы не разглядишь!

- А слова-то такие откуда знаем – «кропалик»? И откуда тебе знать, что этот кропалик - не два грамма?

"Вот и заработала я себе тяжким трудом на долгий срок...".

Масяню повезли куда-то и зачем-то на другой конец города. В отделении отобрали вещи и последние 150 рублей, всё тщательно записав. Совсем молоденький сотрудник долго, неумело и несколько раз снимал отпечатки, перемазал Масяню и весь перемазался сам, чем вызвал гомерический хохот старших товарищей.

- С тобой там ничего не случится? - спросил провожатый, пуская Масяню в туалет отмыться.

- Всё может быть! Например, возьму и утоплюсь в унитазе.

- Смотри у меня!

Масяня непонятным образом прилегла на очень узенькую и коротенькую скамеечку в тёмной одиночке и задремала. Во сне она гнала на мотоцикле, а гигантская, в полнебосвода, крыса догоняла её, наконец догнала и, зацепив кончиком громадного когтя, сняла с мотоцикла и поднесла прямо к своей оскалившейся морде...

В 7 утра с другого конца города приехала мама и привезла паспорт, бутылку воды и два пирожка.

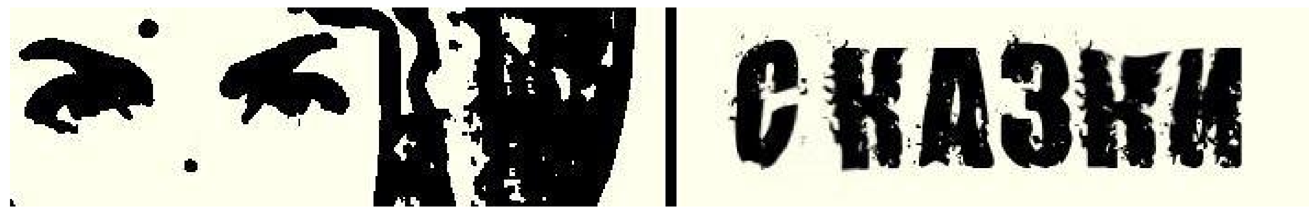
- Что случилось?!

- Прости, мам, что эти подняли тебя ни свет ни заря, потом расскажу. Да всё нормально!..

- Хочешь выйти? - в камеру неожиданно заглянул молодой человек в штатском.

- Что за вопрос? Пошли.

Они поднимались по лестнице.

- Как себя чувствуешь? Не ломает?

- С чего бы? Я же уже сказала - не употребляю.

- Молодец! А вот мне хреново со вчерашнего! У тебя же деньги есть, дай на бутылку, не в службу, а в дружбу! Сразу отпущу!

- Какая ещё дружба, мы с тобой на брудершафт не пили. Деньги есть, но я их тебе не дам.

- Я ведь могу и так отобрать! "Ага, попробуй, в конторе всё записано!"

Кабинет был украшен портретом Дзержинского, а Сталин во множественном экземпляре хитрО выглядывал из-под ксерокса.

- Да у вас тут прямо контрреволюция везде! - сказала Масяня.

- Почему это?

- Да потому, что настоящая революция должна счастье трудящимся приносить, а эти люди принесли им только горе.

Опер удивился:

- Сталин и Дзержинский сейчас бы очень пригодились трудящимся! Посмотри, какая коррупция везде! - он улыбнулся.

"А хорошо бы!" - подумала Масяня, которая совсем не хотела разговаривать с этим контрой. Она представила себе товарища Дзержинского, распахивающего ногой дверь в кабинет Сама и от бедра стреляющего в него три...нет, пять раз подряд! Бэнь-бэнь-бэнь-бэнь-бэнь!

В кабинет вошла милая и совсем юная дознавательница и представилась. "Дознаватель в переводе значит - инквизитор", - почему-то вспомнилось Масяне.

- Расскажите, где покупали?

- Я ничего не покупала. Иду по Коломяжскому проспекту... ("Причём тут Коломяжский проспект? Ах, да, на меня там как-то напали, так нехай будет он") Ну и гуляю себе, пиво пью, а на метро опоздала. Смотрю - компания, а мне-то скучно, ну я их пивом и угостила. Рассказала, что голова часто болит после сотрясения. А они мне в знак благодарности за пиво и сунули в карман, сказали - аспирин.

Это была, как вы понимаете, чистой воды импровизация.

- Где это было конкретно? Как их зовут?

- А я помню, что ли?

- Подпишите.

Масяня прочла протокол допроса.

- Я не со всем согласна.

- С чем? Это ведь с Ваших слов.

- С героином. А ещё - с количеством. Категорически не согласна!

- Странно, у меня вчера и сегодня семь таких случаев! Все утверждают одно и то же, что экспертиза врёт, и что им это всё подкинули. Ничего понять не могу, раньше такого не было... То есть никто не отрицал. Надо разобраться! Ну, до свидания, удачи вам! - сказала милая девушка.

- До свидания, и вам тоже! - Масяня в первый раз за это время улыбнулась. В первый, но не в последний...

- Пошли, сделаем фас-профиль, - позвал опер.

Масяню привели в другой кабинет, и она увидала небывалую картину.

За столом восседал огромный жирный мужик с совершенно голым волосатым торсом, а на могучем пузе у него сверкал внушительный золотой крест на золотой же цепи. Мужик басовито хохотал.

- Мне сказали, ты стриптиз классно показываешь, а ну-ка повтори ещё раз!

"И ни церковь, ни кабак - ничего не свято, ты уж либо крест сними, либо уж трусы надень... Эх, раз, ещё раз!" - вспомнила Масяня. Она засмеялась. Сначала тихонько, потом всё громче и громче, а потом захохотала вовсю. А пузан смеяться почему-то перестал и выпучил красные глаза.

- Ну что за бардак у нас везде происходит! Почему не похмелили товарища по партии? Он мне уже жаловался, деньги на водку стрелял.

Пузан перекинул взгляд на опера, стоящего рядом, улыбка которого тоже сползла.

- Надо снять фас и профиль в полный рост и в обнажённом виде! Да не стесняйся, ты ж теперь звезда!

- Знаете, звёздной болезнью не страдаю. Лучевой тоже пока не замечено.

- Уведи! - приказал голый пузан оперу.

" Да, а всё же при "товарищах" Дзержинском или Сталине мне бы не поздоровилось! Прогресс налицо!"

В кабинете к ней подошёл молодой и очень красивый боец в камуфляже:

- Ну что, пойдёшь к нам? Подходящая, хорошая и храбрая девушка! - он погладил Масяню по её зелёной камуфляжной кепке. - Вот и форма почти есть! - он умопомрачительно улыбнулся. Масяня чуть не растаяла и не начала жаловаться на судьбу, но сдержалась. "Помни о Дьяволе, он здесь повсюду!"

Потом вошёл представительный и солидный сухощавый мужчина. С Масяней он не поздоровался, только потом она поняла из разговоров, что это её адвокат.

Наконец её выпустили. Где она находится, Масяня не представляла, но знала, что где-то очень далеко от дома. Через поля и просторы на горизонте виднелись индустриальные постройки. Адвокат вышел с ней.

- Тебе грозит реальный срок, лет пять, но я тебе помогу на суде, дадут условку. Только сама понимаешь... - он уставился на Масяню, ожидая её поддержки.

- Понимаю. Сколько, интересно?

- Пять тысяч. Ты же вроде работаешь? Мне говорили, сегодня тебе на работу.

- Нет, какая уж тут работа? Все вы пытаетесь меня её лишить и вырабатываете отвращение ко всякой работе. Пять тысяч - это почти две мои месячные зарплаты. Которые мне не выплатили. Ладно, подумаю, - махнула рукой Масяня, думать об этом она не собиралась.

- Подумай! Срок - пять лет! Там точно зарплаты не получишь! - он сел за руль своей машины и укатил.

"Может, вас подбросить до метро, мадемуазель? Ха-ха, размечталась!" - подумала Масяня и почти бодро двинулась по совету прохожего в сторону Купчино, которое оказалось в пяти километрах от отдела. Автобусного движения на трассе не было.

Её грели только последние 150 рублей, отданные в отделе по расписке...

- Аллё, привет! А я в милиции была.

- Привет, слушай, я сейчас уезжаю, позвони попозже.

В пятницу Масяня позвонила снова.

- Ну что, встретимся?

- Знаешь, я сейчас опять уезжаю.

- Ты зачем сунул это мне в карман? Я под суд попала.

- Чего сунул? Ах, это... - Санёк помолчал, - Что, прямо под суд? А почему это под суд? Там ведь ничего и не было, меня же эти уроды кинули!

- Менты так не посчитали.

- Это ведь на твои деньги, вот я и подумал...вернее... не подумал, что так получится... Слушай, мне тут ехать надо.

- А как же мой плейер, ты же обещал. Ты ведь получку получил?

- Не-а, не дают. Слушай, позвони попозже. Я мобилу новую купил - позвони на неё, поболтаем.

- Ты что, совсем дурак? Как же ты мог мобилу купить, если денег тебе не дают? Наверно это тебе приснилось, так?

- Ну да...- сказал Санёк и снова замолчал, - Мы с Танькой едем к ней на дачу, ты ведь помнишь Таньку. В общем, как деньги будут, я сам позвоню. Просто я уже договорился, меня ждут.

Масяня вышла на улицу. Плакать почему-то не получалось. Они пару лет прожили душа в душу. Она до позднего вечера бродила по переулкам и бульварам, где загадочно горели огни, гуляла ночь по тротуарам, мы с ней на улице одни...

Наконец она увидала мирную разношёрстную компанию на скамейке во дворике. Люди разливали по стаканчикам веселящую жидкость бурого цвета.

- Эй, слышишь, а я тебя помню! - обрадовавшись, крикнул пожилой человек. - Ты у метро в переходе на гитаре играла! Так классно пела, потом ещё нас всех угощала, много тебе тогда денег накидали! Помнишь?

"Не помню" - хотела сказать Масяня, но не сдержалась - пропади оно всё пропадом!

- Каждый раз незнакомые люди говорят мне, что они меня точно где-то видели! Наверно у меня плохая память на лица. А может, мы с вами со всеми встречались в прошлой жизни, - Масяня действительно не помнила, так как играла и угощала она в разных местах города, всего и не упомнишь.

- Нет, в этой! Присаживайся! А где гитара?

- Одну гопники отобрали, другую - менты. Новую пока ещё не нашла.

- Вот они гады! Налейте Масяне!

Очень скоро она и без гитары стала душой компании. С совершенно седым и старым человеком, у которого была большая грива и карлмарксовская борода, Масяня поговорила о живописи - он оказался художник. С человеком помоложе, но тоже пожилым и с искалеченной рукой, - о политике. Вообще Масяня предпочитала общаться с людьми, видавшими виды, к ним почему-то было больше доверия. Между разговорами она вставляла анекдоты. Все почему-то уселись вокруг неё и слушали, время от времени весело смеясь. Когда подошёл какой-то грустный человек, и все стали его выгонять, Масяня укорила их, что какой бы человек ни был, а так грубо поступать с грустными людьми нехорошо. Грустному человеку тоже налили. Веселье продолжалось. Разговор зашёл о работе.

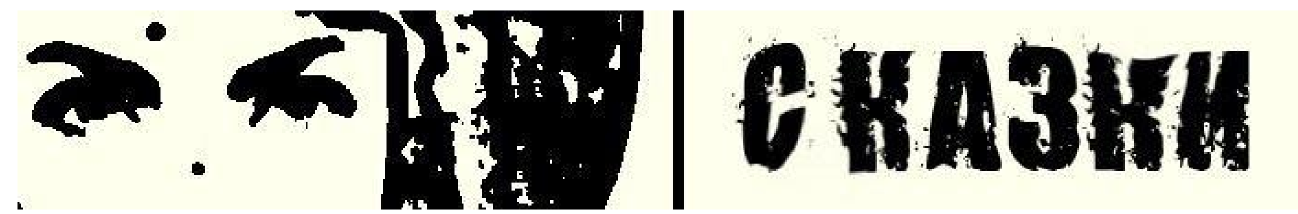
- Когда я работала озеленителем, был такой ещё случай. Зимой мы с девчатами были на лесоповале. Ну, лесоповал - это слишком громко сказано. Чистили Волхонское шоссе от лишних деревьев и веток. Баланчики покрупнее грузили на машину...

- Сами, что ли?

- А как же ещё? Да мы с девчатами иногда и пни корчевали вручную лопатами, тоже зимой.

- Да ладно, это невозможно!

- Возможно всё! Наш "конёк" - внезапность! - пошутила Масяня. - Так вот, нас автобус служебный туда возил. Однажды мы там чуть не замёрзли, почти до 12 ночи ждали этого автобуса. Мороз тогда был градусов 25. Давно спалили всё, что только могли сжечь. Оказывается, автобус развозил бухое начальство по домам после какого-то банкета. На следующий день наша начальница весело оправдывалась: "Да

вчера к вечеру на улице потеплело, могли бы и сами пешком пойти, согрелись бы!" А идти там килОметров десять, не меньше. "А если б мы там замёрзли совсем?" "Ничего, похоронили бы!" - пошутила начальница. На это молодой тракторист выдал, глядя ей прямо в глаза: "Это в каком же месте там вчера у тебя потеплело?! Догадываюсь! И даже если лично у тебя там что-то потеплело, это ещё не значит, что девчонки должны по такому морозу идти из ново-ебенёва через три-пизды-таращинское, когда у начальства в заднице теплеет!"

Компания заржала.

- Что, прям так и сказал?

- Именно так. А начальница продолжала глупо улыбаться, но глаза её при этом сильно округлились. "Ну, я побежала!"- сказала она и действительно убежала. Через день этого молодого тракториста уволили, да он, похоже, и сам напрашивался, зарплата его совсем не устраивала. А когда я работала на карбюраторном заводе, там у нас была мастерица, злыдня такая, она всё время криком подгоняла нас: "Быстрей-быстрей!", независимо от того, с какой скоростью мы работали. Однажды я ей сказала: "Быстро только кошки родятся! А рабочие работают на себя только час, остальные семь часов они зарабатывают на новые машины, квартиры и прочие канары для хозяев. А это, сами понимаете, дело очень серьёзное и ответственное! А в таком серьёзном деле торопиться не надо! Поспешишь - только хозяев насмешишь". Меня уволили по большому сокращению штатов...Там, когда я стояла у конвейера, ко мне и прилетело вот такое моё стихотворение, не знаю - к чему:

Я была бы врагом народа, или ведьмою на костре,

Коль жила бы в те страшные годы, родилась бы на той Заре.

Появившись февральской вьюгой, обернулся Дракон Змеёй,

Очарован был этой мукой, зачарован был этой тьмой!

МДП - три горящие литеры - отпечаток в моих глазах,

Наблюдает Око Юпитера, злой Уран в ледяных небесах.

Не умею писать картины, не умею писать стихи,

Почему же на голых стенах - взрывы-сполохи с первой строки?

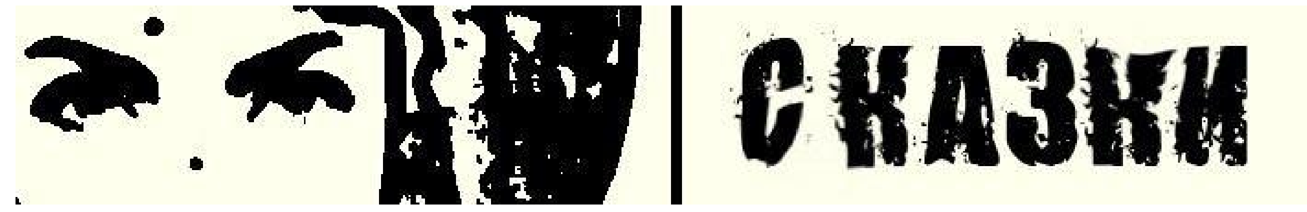
Слово в пропасть бездонную канет, или в небо с разбегу взлетит,

То гроза первомайская грянет, а то тьма тишиною звенит.

Где же ты, мой солдат неспящий? Где ты странствуешь, бравый Швейк?

Я не знала тебя настоящего, мне тебя не найти вовек!

Я по разным ходила дорогам, моя жизнь - на последнем одре,

Мой единственный враг народа, невиновный колдун на костре, - с выражением продекламировала Масяня. - Спасибо родному карбюраторному заводу за эти стихи.

Все зааплодировали. Масяня была счастлива. "А может, это и есть звёздная болезнь, от которой я отрекалась в отделе?"

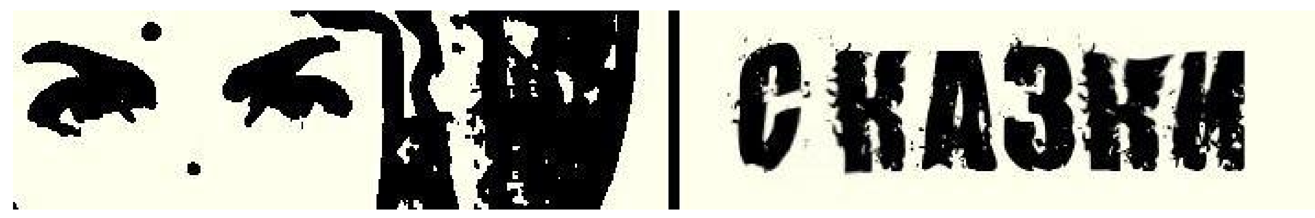
Потом кто-то принёс гитару.

- А ты что, нигде не училась?

- Училась, в полиграфическом ПТУ. Но не доучилась и ушла.

- Плохо, что ли, училась?

- Наоборот, хорошо. Но моя беда была в том, что я просто не смогла больше находиться в этом коллективе, впрочем, как и почти в любом в пору моей юности - это было выше моих сил. Я ещё в детстве подрабатывала у мамы на «Страшной родине» корректором. Это все так военную газету «На страже Родины» называли. А недавно там же работала копировальщицей и монтажницей печатных форм. Работа - не бей лежачего! Там меня тётки сразу невзлюбили за то, что я всячески старалась игнорировать их компанию, когда приходя в кабинет, сразу садилась за работу, а не гоняла с ними чаи. Если б вы все только знали, какие это были заносчивые и непроходимые дуры! Какую оголтелую чушь они все несли! Любая работница на лесоповале была в 100 раз умней этих вместе взятых и начитанных всякой ерундой зазнаек. Но я не подавала виду, что уже почти презираю их. Может, они это просто чувствовали? Хотя для того, чтобы начать по-настоящему презирать кого-то, меня надо очень крепко достать! Потому что людей самих по себе презирать нельзя, а только то, что они делают. Может, они просто не ведают, что творят? Как маленькие дети? По-моему это возможно... Однажды они ни с того ни с сего не разрешили мне пользоваться общим типографским холодильником. "С какого это хуя?" - наконец не выдержала я, хотя всю дорогу была сама скромность. Одна малолетка очень удивилась: "Если скажешь ещё хоть слово матом, вылетишь в коридор, ясно?" "Ни хуя не ясно!" Она даже нервно засмеялась от бессилья. Потом я сказала им, что должна идти на приём к врачу, так как у меня гепатит С, а работы сегодня для меня нет. Что тут началось - просто цирк! Меня, конечно, тут же уволили. Я популярно объяснила, что гепатит С передаётся только через кровь или половым путём, а на бытовом уровне он абсолютно не заразен. Но они притащили ведро с хлоркой и собственноручно стали надраивать всю посуду, стены, шкафы и пол и вообще всё, к чему я могла прикоснуться. У одной чуть инфрахт не сделался. Люблю говорить это слово по-немецки! Как пел Егор Летов: "А все вы ужасно боитесь помереть, а я открою вам тайну - вы все уже сдохли!"- засмеялась Масяня. - Когда я выходила, я просто хохотала! И ещё странная вещь случилась. Когда мне выдали расчёт, всё было

верно. Но вдруг кассирша позвала меня снова и заявила, что мне полагаются ещё какие-то непонятные мелкие деньги. Откуда они взялись в моей зарплате, она объяснить так и не смогла. А когда же я посчитала всё вместе, у меня вышло ровно 666 рублей! А? Что вы на это скажете?

- Да, мистика, да и только! - все тоже засмеялись.

- Ладно, хватит болтать, дайте-ка я сыграю вам что-нибудь для души!

Болванкой в танк ударило и лопнула броня,

И мелкими осколками поранило меня!

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!

С нашим атаманом не приходится тужить!

От счастья Масяня перепутала в этой песне все времена и почти забыла и о предательстве друга, и о предстоящем суде с пятью годами срока, и о несбыточном плейере, обо всём, кроме чудовищной эксплуатации рабочих и крестьян всего мира. Она была так рада снова взять в руки гитару! Потом пошли Высоцкий, Граждань, Янка, ДДТ, Алиса, Кино, Агата Кристи и, конечно, старые киношные, казачьи, военные и революционные песни. Вокруг скамеечек в этот прекрасный вечер собралась приличная толпа...

- Ну ладно, мне домой пора, - сообщила Масяня и снова вспомнила всю эту дурацкую историю с судом. "А может, взять банку с краской и учудить что-нибудь у проходной нашего завода?"

- Приходи завтра, поиграешь, денег заработаем!

- Далеко тебе? - спросил один человек.

- Нет, тут рядом.

- Пойдём, провожу.

- Да я сама дойду.

- Да ладно, провожу. Прочти ещё что-нибудь своё.

Они шли и весело разговаривали о том, о сём, он тоже читал чьи-то стихи. Присели на лавочку. Мимо проезжали машины, но прохожих не было ни одного.

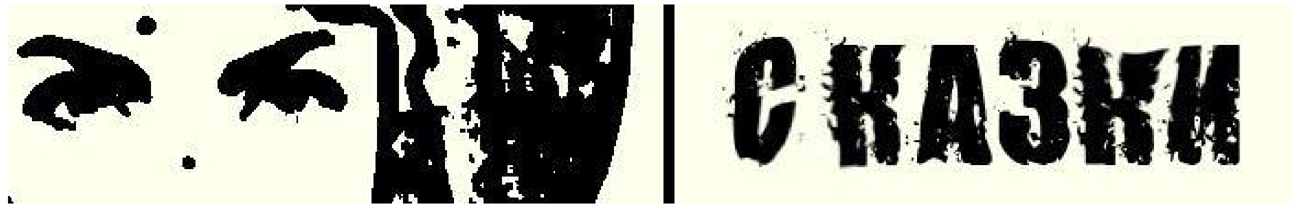
- А я вот в Афгане служил. Мы этих душманов и все их деревни душили-душили...Бывало разденешь их, если на плече след от автоматного ремня – значит, боец. Даже у пацанят такие следы находили!

- Но их можно понять, они ведь воевали за свою землю.

БАЦ! Масяня оказалась на земле. Блондин сидел на ней и мутузил своими кулаками изо всех сил ей по лицу. Потом остановился.

- А теперь ты у меня отсосёшь!

- Нет.

Град ударов снова обрушился на Масяню. "Врёшь, не возьмёшь! Уже пытались", - тихонько посмеивалась она, отплёвываясь кровью. Предательство людей настолько ей надоело, и она к нему так привыкла, что было уже смешно, честное слово! Она вспомнила одну новогоднюю ночь, когда вышла погулять одна, так как её тогдашний парень вообще не любил выходить из дома. Познакомилась с тремя молоденькими пацанами, поровну скинулись на пиво, всем было весело, разговаривали обо всём на свете и травили анекдоты. По улице текла толпа смеющихся праздничных людей. Потом двое её предупредили, что, когда вернётся третий, отошедший облегчиться, начнётся кое-что для неё неприятное, поэтому ей лучше уйти. Масяня всё поняла и решила быстренько ретироваться, но не успела. Третий догнал её, и они уже все втроём потащили её за угол, где предложили то же самое, что предлагал ей сейчас "афганец". На что она ответила категорическим отказом. Тогда главарь достал нож, поднёс к её лицу и предложил ещё раз, последний, иначе воткнёт это ей в живот. Тогда Масяня закрыла глаза, крепко подумала, вздохнула и снова сказала - нет. Она уже приготовилась к удару ножом, но её просто избили ногами и убежали. Когда Масяня встала, они снова выбежали из-за угла и попинали её. По новогодней и многолюдной освещённой улице Масяня шла вся в крови, но ни один прохожий не подошёл к ней узнать, в чём дело. А эти трое пацанов прошли вдруг по улице ей навстречу, сразу отвернувшись в сторону.

...Она крепко сжала зубы, сознание её угасало... Масяня видела сидевшего на ней блондина, размахивающего кулаками, его волосы светились от уличного фонаря, стоящего прямо за ним... а за левым плечом его стоял глыбой мрака чёрный человек. Хотя Масяня готова была поклясться, что прохожих на улице не было, однако человек за плечом блондина всё же стоял и был он абсолютно чёрный...

Очнулась Масяня утром на газоне, всё было на месте, и голова, и джинсы. Один день она провела дома - отдыхала. На следующий день помылась, надела чистую одежду и пошла в "травму", челюсть распухла и не двигалась.

- Тройной перелом со смещением. Срочно в больницу, за Вами приедет машина.

В больничной приёмной было тихо и безлюдно.

- Рентгеновский кабинет прямо по коридору, надо сделать повторный снимок.

Дверь оказалась заперта, Масяня постучала - тишина. Она постучала ещё, на этот раз раздался гневный лай собачонки. Масяня ждала - ей никто не открывал. Она постучала сильнее. Из кабинета наконец выскочила пожилая растрёпанная фурия в белом халате и многословно и громко что-то заорала.

- Мне бы снимок сделать...- еле прошелестела Масяня, челюсть совсем не работала, и голос куда-то подевался, а крики фурии били в голове, как паровой молот.

- Сиди здесь, я позову!!!

Через 20 минут в коридор снова вырвалась фурия и завизжала:

- Ты что, глухая?! Сколько можно тебя звать!!!

- Извините, но я ничего не слышала.

- Что?! Говори громче, бормочешь себе под нос!!! Развелось тут вас на мою голову, поспать не дадут!!!

Масяня уже почти ничему не удивлялась. Они вошли в кабинет.

- Жди здесь! И ничего не трогай! - она зашла за стекло. Потом снова неожиданно выскочила и полила такой поток громогласной истерической брани, что Масяня не выдержала и прошептала:

- Пожалуйста, не орите на меня...

- Что?!!! А ну-ка пошла отсюда, никакого рентгена!!! Уматывай в другую больницу, пусть там с такой хамкой разбираются!!! Вон!!! - она затопала ногами. Масяня пошатываясь пошла по пустому коридору обратно в приёмную. На её лице было кривое подобие улыбки.

- Мне не хотят делать рентген.

- Как это - не хотят?

- Спросите у неё сами.

Фурия сама выскочила в большую приёмную.

- Полюбуйтесь на это хамьё! - уже спокойнее сказала она.- Как она со мной разговаривала! Вы б только слышали!

Приёмщица строго посмотрела на Масяню и перешла на "ты".

- Ты что это себе позволяешь?

- Я никому не хамила, - еле слышно просипела Масяня. - Это она на меня орала.

- Что?!! - снова взвилась фурия. - Уже не помнишь, что ты мне говорила?!

- Я вам говорила - не орите на меня. А вот что говорили мне Вы – вспомните, пожалуйста, - Масяня рухнула на скамеечку, в глазах у неё темнело. Она уже почти не слышала гул далёких и грозных голосов. Потом всё-таки с трудом вернулась и произнесла:

- Но ведь это вы набросились на меня.

- Набрасываются собаки!

- Вот вы и разлаялись, как ваша собачонка.

- Нет, вы это слышали? Я эту девку базарную обрабатывать не буду!!! Или пусть извинится!

- Лариса Борисовна, насколько вижу я - это вы себя слишком несдержанно ведёте, - к ним подошла молоденькая врачиха.

- Валя, как вам не стыдно! - заступилась за фурию приёмщица. - Лариса Борисовна двое суток не спала! Сами знаете, какая у нас зарплата, ей приходится работать без сменщицы! И сколько раз я вам говорила: не смейте предъявлять свои претензии при пациентах! Лариса Борисовна, сделайте рентген.

- Ну уж нет, пусть извинится! Ничего я делать не стану!

Масяня почти без труда пересилила себя и прошептала:

- Извините, - и добавила, - но вы не правы.

- Ну вот, она же извинилась!

- Я не права?! Вы это слышали?!

- Она извинилась, и сделайте ей рентген.

- Через 5 минут подойдёшь, - фыркнула фурия и удалилась.

- Ну и обслуживание у вас.

- Могла бы уже и привыкнуть, что тебя всё время бьют, - усмехнулась приёмщица и снова застрочила что-то в своём журнале.

Сломанная челюсть Масяни чуть не отвалилась. Что это? Мистический вызов? Она глянула в большое зеркало и увидала обычную, обывательски одетую девушку, только с опухшей нижней половиной лица. "Наверно это какой-то заговор коллективного злого разума", - наивно подумала она. Мелькнула спасительная версия, но тут же с треском провалилась, - Масяня с ужасом вспомнила, что другой недавний перелом, полученный от Сама, она вправляла в совсем другой больнице.

- Почему? - осторожно спросила она.

- Что - почему?

- Почему я должна привыкнуть, что меня бьют?

- А разве не так?

"Да, стая почуяла мою кровь", - думала Масяня, идя в рентгеновский кабинет.

У кабинета уже стояли две молодые узбечки и пожилой человек, которые слышали последнюю перебранку.

- Вы ко мне? - нарочито ласково проворковала фурия, превратившаяся в воплощение матери Терезы. - Пойдёмте, пожалуйста.

- Теперь вы, - обратилась она к пожилому человеку.

- Нет, я подожду, пускай девушка идёт, ей плохо, вы что, не видите?

В кабинете фурия была сама вежливость.

- Приляг на стол. Вот так. Зачем же ты мне хамила? Так ведут себя только на базаре. Разве ты на базаре? Нет, ты в больнице, где тебе требуется помощь. А если ты просишь помощи, то надо это делать вежливо. Лежи спокойно, - она вышла в

помещение за стеклом. "Она, похоже, и сама верит в то, что говорит, удивительно!" - подумала Масяня.

- Вы забыли положить свинцовую пластину. Мне всегда делали с ней.

Фурия снова разозлилась.

- Если такая умная, ищи другую больницу! Я тут столько работаю, и ничего, раком пока не заболела!

Масяне уже было всё равно. Она повернулась на другой бок и просветилась ещё раз. Потом она ходила по кабинетам и клянчила что-нибудь от боли. Везде ей говорили - "Не мешайте работать, у вас своих, что ли, нет?!" Наконец тот пожилой дядька дал ей темпалгин.

Поздно вечером больница огласилась истошными воплями из операционной. Масяня сидела в коридоре рядом со столом дежурной сестры.

- Обалденный у нас наркоз! - сказала одна сестричка другой. - Впрочем, как всегда.

В коридор вышел заплаканный и весь красный молодой человек, глаза его были безумны. Его подхватила хлопотливая мать:

- А мы ещё денег заплатили, думали - раз больница, то лучше зубы вырвут!

Наконец подошла Масянина очередь.

Ей крепко зашили-таки рот прямо через дёсны металлическими прутьями, чтоб она на свою беду не болтала лишнего. Наркоз был, мягко говоря сильно разбавлен, так как заморозки она не почувствовала, зато чувствовала всё, что делал с ней хирург. К слову сказать, Масяня оставалась совершенно спокойной, будто загорает на пляже, только из глаз сами по себе катились слёзы.

Всё это продолжалось два месяца, челюсть была сломана основательно, и в эту больницу Масяня ложилась три раза подряд. Каждый раз пожилая медсестра с кем-то её путала и ругалась: "Не надо было убегать, долечилась бы - не попала бы снова!", хотя Масяня и не думала заниматься такими глупостями, или: "А, это та, которая в приёмной локтями толкалась, мне рассказывали!" Три раза ей делали операцию. После первого раза Масяня познакомилась с приветливой старушкой, которая жаловалась на свой ЖЭК, не дающий ей прописать в квартиру внуков. Было уже несколько судов, и все они заканчивались не в пользу старушки. "Наверно ждут, когда я помру, чтоб себе квартиру забрать", - плакалась она. Особенно запомнился последний раз, когда молодой практикант (постоянно ругающийся для бодрости пациентов) исполосовал ей лицо не в том месте, и Масяня потеряла много крови. Она встала ночью, чтоб попить воды из крана, но сделать этого не успела - потеряла сознание. Очнулась уже на кровати и попросила недавно поселившихся в палату новичков дать ей попить. Время было позднее, и соседки послали её подальше,

пригрозив, чтоб не вставала и не мешала им спать, а то тащи её потом! Тогда она снова встала, но опять не дошла до желанной воды и упала, зато хорошенько приложилась об железную кровать и слегка сломала себе шею (после чего ей пришлось ещё месяц носить жёсткий неудобный бандаж). Она пришла в себя, когда пожилая медсестра привязывала её к кровати. В палате - брань и переполох!

- Так её, спать мешает! - ругалась соседка.

- Мне просто нужна вода.

- Не получишь никакой воды, - сказала медсестра. - Не давайте ей!

- Я же не в живот ранена.

Соседка налила в банку вкусной воды, смачно попила, поставила на тумбочку совсем рядом с Масяней, и все улеглись спать.

Руки были привязаны крепко. Всю ночь Масяня растягивала верёвку, чтоб выбраться, наконец под утро, когда уже рассветало, ей удалось вытащить одну руку. Она лежала, замерев, ещё секунд десять, боясь пошевелиться. Затем схватила банку и выпила почти всю. Конечно, соседка тут же проснулась и заорала: "Это я для себя поставила! Я что, тебе её кипятила?! Сейчас сестру позову!" Но Масяне было уже всё равно, она сразу заснула.

Днём соседка оказалась вполне нормальной женщиной, она совсем не хотела никого пытать таким образом. "Это удивительно!"- думала Масяня, хотя уже почти ничему не удивлялась. Зато удивлялась та же соседка, оказавшаяся бывшей учительницей: как это Ленин, такой интеллигентный человек, приказал расстрелять детей Николая Второго. Наверное, он об этом не знал. Масяня даже с зашитым ртом умудрялась шепеляво спорить, что интеллигентность и образованность - разные вещи, и что Ленин прямо назвал интеллигенцию говном. Бывшая учительница не поверила. Потом тот молодой врач-рвач подошёл к только что прооперированной девяностовосьмилетней бабусе и просил её пойти в коридор измерить давление. Бабуся только закатила глаза и хрипела. Врач долго стоял над ней и повторял свою просьбу, пока Масяня сердито ему не сказала: "Да померьте вы ей здесь, в конце концов!" Что и было сразу исполнено. Каждый день Масяня грохотала в уборной, в пыль измельчаяя стаканом «Кетанов», чем вызывала бурное негодование персонала и всех соседей по несчастью (целая таблетка между крепко зашитыми зубами, конечно, не пролезала).

Долго она потом "сидела" на этом «Кетанове», так как голова имела обыкновение через каждые четыре часа начинать громко трещать, да так резко и сильно, что Масяня опасалась потерять сознание. Удивлённые прохожие могли наблюдать такую картину: идёт девушка, вдруг хватается за голову, вынимает из сумки бумажку, стакан и бутылку с водой, кладёт бумажку прямо на тротуар, кидает туда

таблетку, стучит стаканом, делает раствор, выпивает. "Ничего, младенцы тоже одним молоком питаются, да не два месяца, как я, а подольше! И растут себе, не парятся", - ободрялась Масяня, всё же мечтая хотя бы о жидкой кашке, которая между зубов тоже не пролезала, хоть тресни!

Перед судом Масяня устроилась на работу фасовщицей. Однажды позвонил адвокат и спросил, как дела с деньгами. Масяня его сразу принципиально обломала. На суд она опоздала на целый час, попав в пробку. Молодая судья постыдила её за опоздание, быстро и невразумительно зачитала приговор: условный год на два, после чего спросила, согласна ли подсудимая. Подсудимая наивно ответила несогласием, как с качеством инкриминируемого препарата, так и с количеством. Судьи возмущённо переглянулись, и главная кивнула адвокату. Тот вывел Масяню в коридор.

- Ты что, хочешь всё это заново начать? Скажи: согласна, и всё, - он был зол на Масяню, оказавшуюся не из пугливых и отказавшую ему в деньгах. Масяня вспомнила обо "всём этом" и поняла, что ничего она начинать не хочет: просто не хватит ни времени, ни нервов. "У тебя седая прядь на чёлке появилась", - сказала однажды ей мама. "Так красивей!" - улыбнулась дочь.

У Масяни был выходной, когда ей позвонил участковый и заявил, что она теперь должна приходить к нему два раза в неделю.

- Ничего я вам не должна. Я уже хожу раз в месяц в контору, подпись ставлю.

(Она ждала звонка из судебной конторы, когда ей в первый раз прийти, но дождалась звонка в дверь и двух реальных совершенно малолетних девчушек, которые сердито сказали ей, что они уже ищут её с собаками. "А позвонить, как обещали, не судьба!" - развеселилась Масяня).

- Что?! - взбесился участковый, - да знаешь ли ты, что только от меня зависит, сядешь ты или нет!

- От вас ничего не зависит, - рассердилась Масяня, - А у меня дела есть и поважнее, чем к вам ходить. Я, например, работаю и устаю.

- Чтобы сегодня была у меня, надо поговорить!

Масяня бросила трубку. Вечером она всё же пришла в милицию, поговорить. Две бабуськи наперебой жаловались участковому на своих соседей.

- А, это ты! Подождите, сейчас я с девушкой разберусь.

Бабуськи остались сидеть.

- Если будешь так со мной по телефону разговаривать, то вот это будет лежать у тебя в кармане, - ничуть не стесняясь бабусек, участковый достал из стола большой прозрачный запаянный пакет с белым порошком. - Знаешь, что это? Белый китаец.

"Ну да, и белый рояль в кустах. Так вот куда все наркотики подевались, что сука Санёк даже простого дедушку не смог взять, а у вас тут аж белый китаец в столе завалялся в таком количестве, не дороговато ли будет мне подкидывать?" - подумала Масяня, а вслух сказала:

- Не сомневаюсь, что вы бы с удовольствием это проделали.

- Ты ещё поговори у меня! Мне надо снять твои особые приметы, на всякий случай. Я записываю.

- Неужели все?! Ну ладно, - Масяня насчитала три татушки на плечах и предплечье и с десяток больших шрамов, начиная с детства. Особенно участкового заинтересовали порез на горле, пулевое на бедре и огромный шрам через всю голову в виде венка, но Масяня не стала ему ничего объяснять.

- Вот видишь, как тебя люди побили, а ты ещё милицию не любишь!

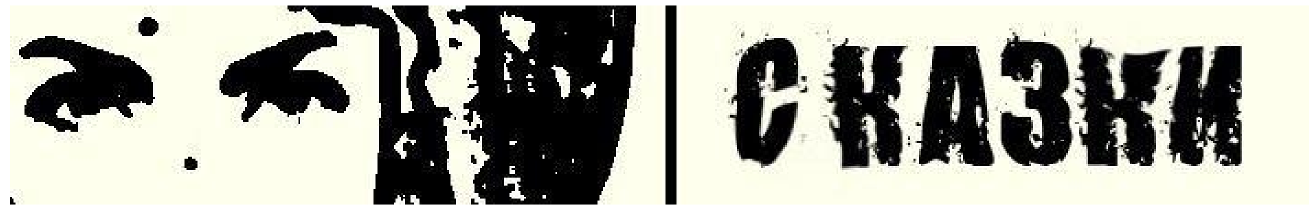
- Вы правы, я не люблю милицию. Но, по-моему, вы все заодно. Однажды мы с друзьями гуляли по Невскому, у меня была гитара и любимая видеокассета. Метро через десять минут закрывалось, и нам осталось только перейти через дорогу, чтобы попасть домой. Тут нас на глазах у прохожих повязал козелок, никакие уговоры не помогли. Нас увезли чёрт-те куда, гитару с кассетой у меня отобрали. Высадили нас в совершенно разных местах ночного зимнего Питера, далеко друг от друга. Пришлось мне одной добираться до метро, чтоб хоть утром на него попасть. По дороге я встретила парня, который попросил довести домой пьяную девушку. Мы потащили её вдвоём...

Масяня вспомнила ту ночь: притащив пьяную девушку к нему домой и пообщавшись, она в шутку на его совершенно ерундовые жизненные жалобы опрометчиво изрекла: "Это ничего, господь нам поможет, он классный чувак, как пел Егор Летов". "Что? Господь - классный чувак?! Да ты хоть поняла, что ты сейчас сказала?!" - неожиданно рассердился парень, после чего привязал Масяню на кухне к стулу, напился ещё больше и стал весело жечь ей лицо утюгом. Хорошо, что не сильно. Масяня так и не поняла, что это было: неудержимый приступ сатанизма, или же наоборот - взрыв "праведного" богозаступнического гнева. Что по сути одно и то же. Потом парень отрубился, а его мама выпустила пленницу. Масяня ещё поинтересовалась, может, и пьяную девушку спасать надо, но та оказалась женой.

- Зло так и липнет ко мне. Как сказал бы Ницше, если долго всматриваешься в бездну, она начинает всматриваться в тебя.

- А ты адрес не запомнила?

- Нет, давно это было, да я и не смотрела.

Участковый задумался. Тут в кабинет вломился настоящий эсэсман - кожаный плащ, высокие сапоги и чёрные галифе, кожаная фуражка, только мёртвой головы на ней не хватает.

- Зайдите ко мне завтра, - сказал участковый раскрывшим рот бабуськам, и те поспешно удалились.

- Ну что, будешь ходить к нам по средам и пятницам, - с порога заявил "эсэсман".

"Да на хрена я им всем сдалась, пусть они отвалят уже!"- мысленно взмолилась Масяня.

- Зачем?

- А посмотреть на тебя!

- Не буду я к вам ходить ни по средам, ни по пятницам, и вообще никогда! Я уже хожу в судебную контору, чёрт её знает, как она там называется! Выходные не буду на вас тратить! После работы - не могу, 12 часов на ногах - это не так-то легко.

Участковый, уже включивший большой монитор и играющий в футбол, молчал. Зато "эсэсман" разбушевался.

- Будешь к нам ходить, как миленькая! Если сама не придёшь, приду к тебе я! А если приду, то буду таскать тебя по твоей квартире за волосы!!!

- Кто бы сомневался, что вы на это способны.

- Ну, ты так не хами, Крылова! - встрял "футболист".

- Может, вы его успокоите, а то он несёт не пойми что.

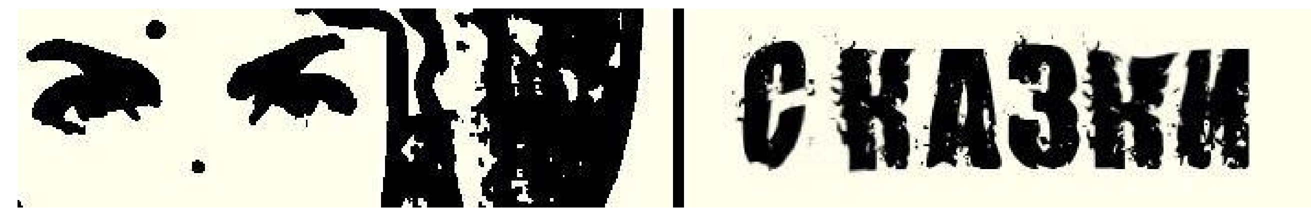
"Эсэсман" был страшен. Глаза его вылезали из орбит, желваки ходили, кулаки сжались.

- Ладно, иди, - сказал участковый.

- Как это - иди?! - не унимался кожаный, но Масяня уже хлопнула дверью, не попрощавшись. Как вы помните, говорить ментам "до свидания" она не привыкла...

Когда Масяня на следующий день пришла с работы, 16-летняя сестрёнка рассказала ей, что в квартиру ломился какой-то злой мужик и угрожал ей, что если не скажет правду, где сейчас Масяня, то он посадит и её за укрывательство. Сестра ему не открыла, сославшись на то, что не одета. Потом он приходил ещё не раз, и так же уходил, не солоно хлебавши. Масяня с сеструхой вовсю над ним потешались.

Как-то в выходные Масяня поехала к лучшей подруге Кэт отмечать её день рождения, в тот самый Белоостров, где у платформы валялись древние отёсанные камни, на которых в далёком 17 году выступал приехавший из Финляндии Ленин, и где анархисты Саша Беркман и Эмма Гольдман были встречены большевиками... Подруги погуляли по лесным тропинкам, рассказывая друг дружке последние приключения. На следующий день они собрались в город - Масяне надо было в

судебную контору, ставить подпись - простая формальность. Электрички, как обычно, плевать хотели на расписание движения и опаздывали часа на три.

Подруга осталась ждать внизу, а Масяня поднялась в заполненную такими же подсудимыми бедолагами комнату, уже привычно заполнила анкету: "работаю, не употребляю и т.д. и т.п." и дала девушке в синей форме на прочтение. Та уже собиралась отдать бумажку обратно, но вдруг, принюхавшись, сказала:

- А почему от вас алкоголем пахнет?

- А что, нельзя отметить день рождения? Сегодня я выпила бутылку пива, пока ждала электричку. Дайте я распишусь и пойду.

- Нет, приходите завтра.

- Вы наверно шутите, какое завтра? Завтра мне на работу. Зачем я тогда ехала в город? Могла бы лучше на природе ещё отдохнуть, чем ставить эту дурацкую подпись.

- Нет, завтра - значит завтра.

- Думаете, у меня много денег на дорогу туда, сюда, обратно?

- Всё, свободны!

- Да сколько же можно издеваться, в конце концов?! То мне собственный паспорт не выдают! Прихожу в контору в рабочее время, должен быть готов уже месяц назад! Я попросила вежливо, как всегда я обращаюсь к людям! А тётки говорят - не дадим! Как это не дадите?! Не дадим - и всё! Приходи потом. Когда - потом? Не знаю, через неделю! Мы чай пьём! Посмотрите на часы, говорю, у вас рабочее время! Полчаса с ними пререкалась, что они должны мне мой паспорт уже давным-давно, а я спешу, у меня дела, между прочим, и нужен паспорт! Дела у прокурора будут, а после перестройки мы всем вам ничего не должны, сказала одна, и только тогда вынула из ящика мой паспорт. Где Морозова? Может она разрешит мне расписаться и уйти?

- Она сейчас занята...- Девушка в форме смотрела на Масяню, как на что-то редкостное.

- Небось тоже чаи распивает? Никуда я завтра к вам не приду, я работаю. А вот вы чего тут выпендриваетесь, не пойму! Куда вы задевали мои первые отпечатки пальцев? С чаем вы их, что ли, едите? Почему мне пришлось делать их повторно? Вот Морозова призналась сразу, что они потеряны. Почему у нас такой бардак в стране, куда ни посмотри? А вы, конечно, гордитесь, что представляете её судебную систему! Выполняете свой гражданский долг! Что за дерьмо такое! Думаете, вам тут всё можно?!

Масяня как обычно нарывалась на неприятности. Она вдруг оглянулась и увидела, что такие же девушки в синем вышли из своих кабинетов и все уставились на неё.

- Ладно, сейчас я просто схожу в ваш туалет и уйду, а приду через месяц.

- Туда нельзя! - испуганно сказала одна.

- Ничего, я там уже два раза руки мыла после ваших чернил, и сейчас ничего не случится, - Масяня пошла по проходу мимо них.

- Не трогай меня! - отскочила одна.

- Да нужна ты мне, никто тебя не трогает.

Вернувшись, Масяня пошла к выходу.

- Подождите, Морозова сейчас освободится.

- Хорошо, я подожду, - Масяня уселась снова. Все так и продолжали стоять вокруг и смотреть на неё в упор. Подсудные посетители улыбались и показывали большие пальцы. Тут вошла не Морозова, а трое с автоматами. Центральный был почему-то в больших солнцезащитных очках и жевал жвачку.

- Вот это я понимаю, настоящий Рэмбо! Ну, пройдёмте, - Масяня встала.

- Она ругалась, и ещё рукоприкладство! - сказала синяя девушка. - Или не было?

- Нет, не было рукоприкладства... - ответила та, что сказала Масяне "не трогай меня".

- Ладно, не было. Она ругалась, выражалась по-всякому.

Масяню запаковали, и Кэт пошла за машиной в сторону ближайшего отдела.

В милиции Масяня рассказала, из-за чего она подняла бучу. Менты посмеялись, и один сказал:

- А ты знаешь, что можешь теперь залететь на реальный срок? У тебя же год на два.

- А давайте отпустим её без всякого протокола? - сказал другой. - Ну иди. Тебе объявляется амнистия!

- Спасибо,- поблагодарила Масяня, выходя из клетки. - Только знаете что? Я на амнистию не согласна.

- А на что же ты согласна?

- Только на полную реабилитацию! - и она вышла на свежий воздух, под дружный хохот ментов, а навстречу ей уже шла Кэт. Они обнялись.

- А помнишь, как мы одного испугали! - смеясь, начала Кэт.

- Ещё бы такое забыть! - подружки, обнявшись и хохоча, сбежали по лестнице.

Они вспомнили тот поздний вечер, когда, тоже обнявшись, поспешно возвращались вдвоём домой с концерта то ли Соул Флай, то ли ещё чего-то в таком же тяжёлом и заводном духе. На выходе из метро их задержал скучающий худосочный сотрудник в очках и посадил Масяню в незастеклённую клетку, а Кэт пристегнул наручниками к этой клетке снаружи. В пикете было совсем пусто,

заскучаешь! Подружки жалостливо пытались уговорить очкарика отпустить их домой, благо рукой подать, но это было бесполезно, как вы понимаете. В процессе разговора печальный и застенчивый мент вдруг ни с того ни с сего преобразился, встал из-за стола и принялся молотить пристёгнутую и сидящую на полу Кэт ногами. Масяня не стерпела этого и, схватив заморыша руками за горло прямо через прутья клетки, принялась в ответ его душить. Она точно знала, что это ей так просто не пройдёт, и озверевший сотрудник придёт со своей дубинкой и по её душу, это уж обязательно. Но иначе она поступить не могла (как и всегда в таких случаях). Инцидент закончился неожиданно - очкарик отступился, вырвавшись из Масяниной хватки, сел обратно за стол и успокоился, пригладив волосы. Выражение его глаз резко изменилось, в них появилось что-то типа: "А что это со мной было?!" Будто только что в него вселилась злобная сущность, да тут же и отпустила. Но сдаваться подруги и не думали. Масяне вдруг в голову ударила вспышка озарения, и она, отодвинув щеколду снаружи своей клетки, порывисто вышла на свободу. В это самое время Кэт, вероятно, тоже ударила та же самая вспышка, и она, имея очень маленькую и узкую по природе руку, выдернулась из наручника. Всё это они проделали одновременно и не сговариваясь. Обе рванули к столу и, упёршись в него кулаками, синхронно произнесли: "А может, нормально поговорим?!" Пишущая рука сотрудника затряслась, а сам он отпрянул, это они помнят до сих пор совершенно отчётливо. Вдруг вошёл толстый и злой начальник и всех выгнал, матерно обругав при этом незадачливого подчинённого прямо при задержанных, отчего подружки, так же хохоча, как и сейчас, выбежали восвояси...

...Через год Масяня уже не смогла устроиться на новую дурацкую работу из-за своей судимости. "В конторе требуют, чтоб я обязательно работала, а на работу не принимают из-за судимости. Замкнутый круг какой-то!"- думала Масяня и с улыбкой вспоминала своё звёздное увольнение. А было это так: фирма решила в середине декабря устроить корпоратив по случаю нового года. В ресторан были приглашены все сотрудники, включая рабочих. Масяня идти туда не планировала, она забила с друзьями стрелку в центре. Но друзья не пришли...

В полутёмном зале повисла тоска, на сцене играли молодчики, похожие на мормонов или Свидетелей Иеговы (а может Очевидцев?). "Санкт-Петербург, Санкт-Петербу-ург" - уныло тянули они. Масяне так и хотелось крикнуть: "Какой Санкт-Петербург, "Ленинград" давай!" Посетители корпоратива явно скучали. Она сидела в тени, за угловым столиком в одиночестве. Невыносимо болела поясница, так как на работе Масяня только тем и занималась, что все 12 часов подряд наклонялась и распрямлялась, укладывая отпечатанные развёрнутые сигаретные пачки на поддон (позже врачи обозвали эти симптомы остеохондрозом). Обидевшись на не

пришедших на встречу друзей, она слопала парочку жульенов и принялась сама себе наливать разное винцо из стоящей тут же у стены батареи открытых початых бутылок. "Ну вот, поели-попили, теперь можно и по домам",- преждевременно подумала она и собралась уже уходить, как вдруг голос со сцены обратил на себя её внимание: "Гардеробщица передала, что брюнетка в армейских ботинках оставила в гардеробе номерок на одежду! Номер 34!". Тут Масяня вспомнила, что это именно её номерок, и надо ж было такому случиться, что она-то непонятным образом его и позабыла. Поднявшись на сцену, Масяня поблагодарила "мормонов" и, поддавшись внезапному порыву, схватила за "ствол" ближайшую гитару, висящую на плече музыканта.

- Дайте-ка я сыграю вам что-нибудь на прощание, я умею! - попросила она, и от неожиданности удивлённый паренёк снял с себя инструмент и передал Масяне, уже подвинувшей к себе микрофон поудобней. В зале произошло оживление, скучающие люди повернули головы к сцене.

- А спою я вам песню - "Вот пуля просвистела, в грудь попала мне!", хоть взбодримся, а то у вас тут заснуть можно.

За столиком прямо напротив сцены сидели молодой немец Ганс (один из директоров фирмы) и тоже молоденькая, но ужасно амбициозная начальница цеха Катенька, требовавшая называть её исключительно Екатериной Львовной. Она переводила, шепча Гансу на ушко и при этом грозно посверкивала глазами в сторону Масяни.

- О, я, я, кугель! (пуля - нем.) Давай! - радостно зааплодировал ободрившийся пьяненький Ганс. Масяня обвела взглядом зал и обнаружила, что ей хлопают все! Воодушевившись, она взяла первый брям, чтобы проверить, соответствует ли данная тональность тембру её голоса, но кто-то подкрался сзади и коварно отобрал и гитару, и микрофон.

- Дамы и господа, а сейчас приглашаем всех танцевать! - с фальшивой улыбкой обратился к залу один из "мормонов". - Иди, иди отсюда! С такими песнями! - зашикал он на Масяню. По залу пронёслись возгласы протеста такому вероломству, но когда из динамиков понеслась плясовая в исполнении Верки Сердючки, многие двинулись на танцпол, будучи уже изрядно навеселе, а Масяня была забыта. "Ну и как хотите", - думала она, спускаясь по лестнице, и уже прошла мимо столика с фасовщицами, смотревшими на неё во все глаза и не ожидавшими от необщительной тихой девушки такой уверенности на сцене, и мимо столика с Гансом и Катенькой, направляясь на выход, как вспомнила, что номерок-то она не взяла! Резко развернувшись, Масяня двинула обратно к сцене, как вдруг случилось страшное: Катенька вскочила и, будучи в полной своей постоянной уверенности,

крепко схватила Масяню за оба запястья. Это была большая ошибка: манёвр оказался столь порывист и неожидан, что рефлекс Масяниного самосохранения сработал мгновенно и в полную силу. Резкий толчок - и Катенька полетела прямо на колени к своему Гансу, стул под ними не выдержал контратаки, и оба оказались на полу. Это была уже даже не пуля, а целая граната! Тут же подбежавшие охранники выводили дебоширку под белы рученьки, кто-то сунул ей номерок, фасовщицы, давясь от хохота, хлопали друг дружку по плечам (они не любили приставучую Катеньку), и над всем этим залихватски прикалывался Сердючка: "Хорошо, всё будет хорошо, всё будет хорошо, я это знаю!..."

Остаток декабря Масяне отработать не пришлось. С утра девчонки и пацаны из цеха после корпоратива отпивались пивом, решили пригласить и её. Они хвалили за "удалую выходку", как они выразились, восторженно уставясь на Масяню, будто увидали впервые, и с интересом расспрашивали о жизни (до этого они с ней никогда не общались). Потом Катенька пригласила к себе. Они шли через проходной кабинет, когда сидящий за столом на фоне огромного пиратского флага парень подмигнул Масяне.

В кабинете у Катеньки произошла довольно эмоциональная сцена.

- Нет, я должна вас уволить! - восклицала в ответ на Масянины извинения Катенька, носясь по помещению и периодически грохоча папками по столу. "Всегда всех называла на "ты", с чего бы это вдруг такие почести?" - удивлялась Масяня.

- Вы схватили меня за руки, я этого очень боюсь. Контузия, знаете ли...

- Заметно! Не всех война стороной обошла! Теперь это я Вас очень боюсь! А вдруг пырнёте ножом прямо в цеху?! Может, у Вас мания какая! Вы случайно у психиатра не наблюдались?

- Бывал-бывал, правда только один раз...- пробормотала Масяня на свой манер крылатую фразу, - Когда расчёт?..

...Парень под чёрным флагом улыбнулся и снова подмигнул Масяне.

"Прямо знаки отовсюду на меня сыплются, не на своём я месте, да и поясница совсем разламывается, поберегу-ка лучше своё здоровье, я его не на помойке нашла!"

- Жаль, что тебя уволили, - посочувствовал пожилой вахтёр на проходной. - Дали бы лучше песню спеть, всё веселей было бы!

"Наблюдает Око Юпитера, злой Уран в ледяных небесах!" А ведь Уран у меня в карте действительно злой, прямо бешеный, планета-ураган, планета-революция, планета-анархия!"- выходя навсегда из этого ада и хихикая, вспоминала она своё стихотворение, сочинённое у конвейера на карбюраторном заводе.

Масяня опять поехала в Белоостров, тот самый, где у платформы древние отёсанные камни ещё помнили врунишку-Вовку Ленина и анархиста Сашу

Беркмана со своей Эммой Гольдман…И совершенно случайно встретила хорошего парня. А у него оказался ещё и старенький комп, который они починили, а к нему - о чудо! - приобрели интернет! И стали они в строительном вагончике на опушке леса жить-поживать и ещё больше знаний наживать, и стала Масяня кататься на экскаваторе и записывать свои песни в прогах. Она не боялась воспоминаний, а взяла и записала эту сильно укороченную "сказку". И вполне может случиться, что жили они долго и счастливо…

Так кто же такой этот зловещий Невезёт?… Будем бороться! Но это уже совсем другая история.

Мария Крылова

Приступ Кукольной Тоски

Всё. Занавес закрылся. Толпа шумно и хохотливо разошлась. Я отыграла и вновь вернулась на своё законное место - грязный и разбитый дорогами сундук, служащий таким, как я, местом уединения и покоя. Балаганчик собирается в дорогу. Теперь можно отдохнуть: счастливые сны на жёстких воспоминаниях. Телега тронулась. Поехали. Немного трясёт, но от усталости этого уже не чувствуешь: полвечера болтать руками и ногами под глумливое бесшабашие публики. Ах, отвяжите, оборвите нити с моих рук и ног!

Все устали. Хотя - бред: куклы не могут уставать. Через щель сундука снова пролез вечно веселый и ленивый сквозняк. Это мой приятель. Бессловесными ночами нам с ним интересно разговаривать, и не думайте, что это невозможно. Он такой же бродяга, как и я, правда, немножко ветреный.

Тихий холодный вечер. Говорят, что в это время на небе появляются звезды. Кто они такие? Что за диво? Так хочется хоть раз их увидеть… Но моя балаганная жизнь вертится в одном и том же круговороте: занавес, хохот, костистый и чужой, и затхлая сундучная пропасть – моё прибежище, мой дом, моя нора.

Каким-то образом рядом со мной очутился огрызок яблока. Кто его сюда бросил? Червячки источили его и превратили в запретный плод. А я всё валяюсь рядом с ним и не могу забыться. Странно, не правда ли, ведь куклам нечего вспоминать?.. Я мотаюсь по Вселенной - пенной и жгучей, и умалишенной. О, тот, кто управляет мною за почти невидимые, тончайшие нити, наверное, считает себя всесильным. Я, на потеху толпе, знаю лишь одну роль - глупую и безобразную. Но я видела, видела, как раз тогда, когда появилась на свет, что есть другой

занавес и другая сцена, иные слова и иные жесты. Я - странная, уродливая марионетка, созданная по чьей-то похмельной прихоти без фантазии, без сознания и, как водится в таких случаях, без души. Так откуда же, откуда такое желание жить?! Ах, как хочется увидеть звезды...

А может быть.. (эта мысль в последнее время всё больше и больше занимает меня), что если от них тоже тянутся эти проклятые незримые нити, и кто-то, тоже жестокий и безрассудный, заставляет их каждые сумерки вылезать из своих лежбищ только для того, чтобы провисеть всю ночь на одинокой недосягаемой высоте и убраться вслед за рассветом?! Но ведь если это так, значит всё в этом мире сплошное балаганное действо, и, значит, тот, кто водит меня, тоже не волен быть собою?!! Но тогда кто же придумал ветер?...

Сквознячок затих и свернулся колечком где-то у моих ног. Нет, я не боюсь простудиться, просто немножко грустно... Люди, люди, отпустите меня! Дайте мне рампу и занавес другого цвета, дайте сыграть мне мою, понимаете, только МОЮ роль, мой спектакль - небыль о звездной ночи, сочиняемый мною здесь, каждый раз, в этом вонючем сумеречном ящике, здесь, в пустоте и темноте!!! Зачем каждый вечер перед тупой зажравшейся мордой улицы я выплясываю нелепые, отвратительные танцы, повинуясь злой воле стоящего надо мной и не подозревающего, что он изобрел самый страшный вид казни - долгой, мучительной, повторяющейся из раза в раз, из вечера в вечер?!! Отчего мне не дано сил сегодня же, сейчас отправиться по свету или по земле, выйти, сказать, объяснить, выкричать, но только - ради Бога! - оборвать, оборвать это безумное существование! Люди, что вы творите, и что будет с вашим творением...

А на следующий день был другой город и другая улица, такая же обнаглевшая и неизвестная. И я опять умирала под шутовством, развлекая её. Свободен только сквозняк - ветреный и как будто бы равнодушный. И так будет всегда, вечно. А тот, кто решится вырваться из этой псевдоразудалой мути, неизбежно погибнет, собьется с дороги, исчезнет во времени. “Имей то, что есть, не смотри в горизонт”. Видишь, даже я - нелепая и выцветшая - усвоила эту простую, убийственную истину, придуманную кем-то, кто никогда не видел балагана, может быть, далёкими звездами. Но тогда отчего же тот, кто, все оборвавши, уйдёт в никуда, будет в сто раз счастливей всех ветров и гроз, бушующих где-то там, куда я никогда не сумею сбежать...

Ирина Синицына

Лучше Умереть

Сухие мёртвые ветви и туман были постоянным пейзажем Долины Болот. Тумана не было только тогда, когда шёл дождь. Чаще маленький и мерзкий, но иногда тут случались сильные ливни, которые вымывали из-под земли кости и безглазых серых подземных существ, случайно выползших близко к поверхности. Из-за повышенной влажности всё быстро гнило и разлагалось. Неясно, каким образом вода выпаривалась с поверхности рек, чтобы выпасть осадками в условиях дефицита солнечного тепла, но, читатель, не обязаны же параллельные миры следовать нашим природным принципам.

В один из таких туманных дней Пятипалый и Ацефал гонялись по мёртвой роще за петухом, чтобы прямо сырым съесть его на обед. Пятипалый не ел уже три дня, а Ацефал не ел вообще ни разу в жизни, поскольку сразу же после рождения его поместили в банку с формалином, откуда он почти благополучно сбежал. Отсутствие головы не позволяло Ацефалу принимать пищу, поэтому он бегал за петухом скорее из спортивного интереса.

Петух хоть и имел небольшой мозг, однако понимал, что вызывает явный гастрономический интерес у двух полуживых отморозков, и посему сделал крылья.

- Йоптвоюмать! – орал Пятипалый. - Держи его!

Птица быстро бежала средь корней, торчащих из земли, как плотоядные черви. На самом деле петух не может бежать быстро, однако для безголового и умирающего с голоду его скорость казалась запредельной.

- Куд-кудах, - прокукарекал ругательство на своём языке петух и взлетел на верхушку большого дуба.

Пятипалый схватил Ацефала за ноги и попытался сбить петуха, как бумерангом, но петух неожиданно как сквозь землю провалился. Приземлившись, вернее, прикронившись, Ацефал нащупал, что ветви дуба растут вокруг выемки, будто ствол полый внутри. Он не слышал страшных историй и не имел воображения, поэтому, ничуть не испугавшись, сообщил об этом Пятипалому на языке глухонемых.

- Вот он и попался, - потирал руки Пятипалый, - спорю на сотню струпьев, что там его гнездо. Стремительно забравшись на вершину дуба, он сунул руку, надеясь ухватить птицу, но его рука схватила что-то холодное и чешуйчатое, следом за этим раздалось тихое шипение. Это мог быть только василиск! Охотник не успел и до 0,5 сосчитать, как его рука, а заодно и предплечье вместе с существенной частью туловища, оказалась откушенной василиском.

- Не смотри в глаза! – хотел заорать Пятипалый своему другу, не подумав, что ему и нечем-то смотреть в глаза, но изо рта с желтыми полугнилыми зубами

вырвалость только: «Аааа!!!!!!!!!!!» (Вы спросите меня, почему тут так много букв «а», но я вас уверяю, что вы бы прокричали бы их не меньше, если бы вам откусили руку. Поверьте мне на слово).

Пятипалый очнулся в маленькой тёмной комнатке. Под потолком висели пучки трав, а на полках стояли баночки йог-сотхох знает с чем. На месте, где должна быть его рука, торчала розовая щупальца, состоящая из мясистых волокон. Он попытался пошевелить ей, но она не послушалась.

- Не пытайся, ты сможешь шевелить ей только тогда, когда рука вырастет до конца. Пятипалый испуганно повернулся на звук. В дверном проёме стояла колдунья Сова, в окружении ёжиков-помощников. – Ацефал принёс тебя уже почти не дышащего из-за потери крови, пришлось закупорить вены, пустив по ним свиную кровь.

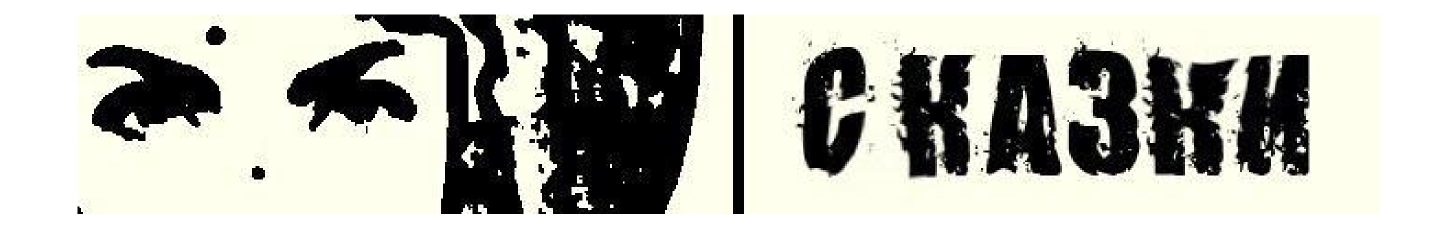
Сова натерла растущую руку какой то мерзкой мазью, а ёжики сделали перевязку. Когда боль утихла, Пятипалый начал уже засыпать, как к нему пришел Ацефал.

- Знаешь, - сказал Пятипалый, - лучше бы я умер…

Ацефал изобразил руками жест, означающий недоумение.

- Я не вижу смысла существовать с целью продления существования. Мы гонялись за всякой живностью за день до встречи с василиском и за день до него, и за день до него, и за неделю, и за месяц. А знаешь, что было год назад? Мы искали, что пожрать. Я слышал, что в одном из параллельных миров люди постоянно ходят на работу, чтобы заработать на еду и минимальный жизненный уют. Они ходят на неё постоянно, иначе будут жить на помойке, пока не умрут от голода или замерзнут…Вся их жизнь сводится к тому, чтобы прокормить себя. Их мир, может, и красочней нашего, но у них нет времени насладится этим. Всё так же, как и у нас… Везде так. В день, когда я встану на ноги, мы будем добывать пищу. И на следующий день, и на следующий, и через неделю. Знаешь, что мы будем делать через год?

Диаген Анархист

СКАЗОЧКИ И СКАЗОЧНИКИ

«Альманах Протестного Творчества»,

при участии
Фёдора Михайлова, Екатерины Наумовой
и НПП «Lixoy-Star».

Выпуск 2. Сказки.
Планета Земля, 2013 г. – 44 стр.

http://vk.com/club39517689

